

DETECTED

ДЕВУШКА С ТАТУИРОВКОЙ ДРАКОНА

Продолжение культовой трилогии

Давид Лагеркранц

ДЕВУШКА,
КОТОРАЯ ЗАСТРЯЛА В ПАУТИНЕ

millennium

Annotation

Очень хорошо. Очень хорошо, что последний недописанный роман Стига Ларссона стал доступен читателям. Еще в 2011 году гражданская жена Стига заявила, что готова закончить роман мужа. Однако понадобилось 4 года, чтобы продолжение трилогии наконец вышло в свет. Честь завершить труд Ларссона выпала известному шведскому писателю и журналисту Давиду Лагеркранцу.

Новые времена настали в жизни Лисбет Саландер и Микаэля Блумквиста. Каждый из героев занят своими проблемами. Лисбет объявила войну криминальной империи своего отца, стремясь изничтожить даже самые малые ее остатки. У Микаэля трудный период – критики и коллеги устроили ему травлю, упрекая в утрате профессионализма, а его журналу «Миллениум» грозит «недружественное поглощение» крупным медиаконцерном. И все же хакерше и журналисту суждено встретиться снова. Блумквист ввязался в новое крупное расследование – убит знаменитый шведский ученый в области искусственного интеллекта. А Саландер вычислила, что за этим преступлением стоит ее самый злейший враг после Залы. И этот враг уже сплел свою смертельную паутину...

Давид Лагеркранц

Девушка, которая застряла в паутине

David Lagercrantz

Det som inte dödar oss

Det som inte dödar oss © David Lagercrantz, first published by Norstedts, Sweden, in 2015.

© Савицкая А. В., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Пролог

Год назад, на рассвете

Эта история начинается со сна, причем не слишком примечательного. Всего лишь рука, которая ритмично и истоиво бьет по матрасу в старой комнате на улице Лундагатан.

Тем не менее сон вынуждает Лисбет Саландер встать с постели при первых проблесках рассвета. Она садится за компьютер и начинает охоту.

Часть I

Бдительное око

1–21 НОЯБРЯ

АНБ, Агентство национальной безопасности, является федеральной организацией, подчиняющейся Министерству обороны США. Ее штаб-квартира располагается в Форт-Миде, штат Мэриленд, вдоль шоссе Патаксент.

С момента основания в 1952 году АНБ занимается радиоэлектронной разведкой – на сегодняшний день, прежде всего, в области Интернета и телефонного трафика. Организация раз за разом получала все большие полномочия и в настоящее время ежедневно контролирует более двадцати миллиардов разговоров и писем.

Начало ноября

Франс Бальдер всегда считал себя плохим отцом.

Несмотря на то, что Августу уже исполнилось восемь, он еще даже толком не пробовал брать на себя роль отца, да и сейчас трудно было утверждать, что эта задача ему особенно по душе. Но он считал это своим долгом. Мальчику явно плохо приходилось у его бывшей жены и ее проклятого мужа, Лассе Вестмана.

Поэтому Франс Бальдер, уволившись с работы в Силиконовой долине, прилетел домой и теперь в состоянии, близком к шоковому, стоял в аэропорту Арланда, ожидая такси. Погода была адская. Шквалистый ветер хлестал его по лицу дождем, и Бальдер в сотый раз задумался над тем, правильно ли поступил.

Такой эгоцентричный псих, как он, собрался стать полноценным отцом – ну не безумие ли? С таким же успехом Франс мог бы взяться за работу в зоопарке. Он ничего не знал о детях и почти ничего не знал о жизни вообще. И, что самое удивительное, его никто об этом не просил. Ему не звонили ни мама, ни бабушка, его не умоляли и не призывали взять ответственность на себя.

Решение он принял сам и теперь намеревался, вопреки старому постановлению суда об опеке, без всякого предупреждения просто прийти к бывшей жене и забрать сына к себе. Наверняка разразится скандал. Ему наверняка достанется по первое число от проклятого Лассе Вестмана. Однако теперь уже ничего не поделаешь, и он вскочил в такси. Женщина-водитель истово жевала резинку и всячески пыталась завязать с ним беседу. У нее ничего бы не получилось даже в один из его лучших дней. Болтать Франс Бальдер не любил.

Он просто сидел на заднем сиденье в мыслях о сыне и обо всем произошедшем за последнее время. Август был не единственной или даже не главной причиной того, что он уволился из «Солифона». Вся его жизнь находилась на стадии перелома, и на мгновение он задумался над тем, хватит ли у него сил. По пути в район Васастан он вдруг почувствовал себя совершенно обескровленным, но подавил порыв на все наплевать. Отступить было нельзя.

На улице Торсгатан Франс Бальдер расплатился, вынул из такси багаж и оставил его в подъезде, а с собой наверх взял только пустую дорожную сумку с красочной картой мира, которую купил в международном аэропорту Сан-Франциско. Перед дверью в квартиру остановился, тяжело дыша, закрыл глаза и стал представлять себе все возможные сцены скандалов и безумия. «Да и кто, собственно, сможет их осудить?» – подумал он. Нормальный человек не должен ни с того ни с сего являться и выдергивать ребенка из привычной среды, а уж тем более отец, все участие которого раньше сводилось лишь к переводу денег на банковский счет. Но ситуация представлялась ему экстраординарной, поэтому, как бы ему ни хотелось сбежать, Франс расправил грудь и позвонил.

Поначалу никто не ответил. Затем дверь распахнулась, и на пороге предстал Лассе Вестман. У него были выразительные голубые глаза, мощная грудь и огромные руки, словно созданные для того, чтобы наносить людям увечья, благодаря чему его часто приглашали играть в кино гнусных типов, хотя ни одна из его ролей – в этом Франс Бальдер был убежден – не отличалась такой гнусностью, как та, которую он играл в жизни.

– О, Господи, – произнес Лассе. – Ничего себе. К нам пожаловал гений собственной персоной.

– Я здесь, чтобы забрать Августа, – сказал Бальдер.

– Что?

– Ларс, я намерен забрать его с собой.

– Ты, наверное, шутишь.

– Я никогда еще не был так серьезен.

Тут из расположенной слева комнаты появилась его бывшая жена Ханна, правда, уже не такая красивая, как раньше. Она пережила слишком много несчастий и к тому же, вероятно, злоупотребляла сигаретами и алкоголем. Тем не менее у него сжалось сердце от неожиданно нахлынувшей нежности, особенно когда он заметил у нее на шее синяк и почувствовал, что она все-таки хочет сказать ему что-то приветливое. Но Ханна даже не успела открыть рот.

– С чего это ты вдруг решил проявить заботу? – спросил Вестман.

– Потому что уже хватит. Августу необходим надежный дом.

– И ты сможешь ему его предоставить, гениальный изобретатель? Ведь ты же никогда ничего не делал, только пялился в компьютер.

– Я изменился, – ответил он, почувствовав себя жалким, причем не только из-за сомнений в том, что хоть сколько-нибудь изменился.

К тому же Франс задрожал, когда к нему приблизилась мощная фигура Лассе Вестмана, с трудом сдерживавшего злость. Стало убийственно ясно, что ему будет нечего противопоставить, если этот псих набросится на него, и что вся идея, от начала до конца, была чистым безумием. Но, как ни странно, вместо вспышки ярости или какой-нибудь сцены последовали лишь мрачная усмешка и слова:

– Так это же здорово!

– Что ты имеешь в виду?

– Что самое время, правда, Ханна? Наконец-то господин Занят собрался проявить немного чувства ответственности. Bravo, bravo! – продолжил Лассе, театрально хлопая в ладоши.

Задним числом Бальдера больше всего напугало именно это – то, с какой легкостью они отпустили мальчика. Позволили забрать его, не протестуя, разве что чисто символически. Возможно, они рассматривали Августа исключительно как бремя. Откуда Франсу было знать? Ханна периодически бросала на него непонятные взгляды, руки у нее дрожали, зубы были стиснуты. Но она задала слишком мало вопросов. Ей следовало устроить перекрестный допрос, высказать тысячу требований и наставлений, волноваться из-за того, что у мальчика нарушится привычная жизнь...

– Ты уверен? Ты справишься? – лишь спросила она.

– Я уверен, – ответил он, после чего они пошли в комнату Августа, где Франс увидел его впервые за год с лишним и устыдился.

Как он мог бросить такого мальчика? Такого удивительно красивого, с пышными кудрявыми волосами, худенького, с серьезными голубыми глазами, полностью погруженными в огромный пазл с изображением парусника... Весь облик сына, казалось, кричал: «Не мешайте мне!», и Франс просто медленно подошел к нему, словно приблизился к незнакомому и непредсказуемому существу.

Однако ему удалось отвлечь мальчика, убедить дать руку и вывести его в коридор. Этого Франсу не забыть никогда. Что Август подумал? На что рассчитывал? Он не взглянул ни на

него, ни на мать и, естественно, проигнорировал прощальные слова и взмахи рук. Просто удалился с Франсом в лифте. Только и всего.

Август был аутистом. Вероятно, у него также имелись серьезные отклонения в умственном развитии, хотя однозначного подтверждения они не получили, и, глядя на него со стороны, можно было заподозрить обратное. Благодаря изысканному сосредоточенному личику мальчик излучал королевское величие или, по крайней мере, ауру, говорившую о том, что он не видит смысла в общении с окружающим миром. Однако при ближайшем рассмотрении становилось заметно, что взгляд у него словно бы с пеленой, и к тому же он пока еще не произнес ни единого слова.

Тем самым он не оправдал прогнозов, полученных в двухлетнем возрасте. В то время врачи считали, что Август, скорее всего, принадлежит к меньшинству детей-аутистов, обладающих нормальными способностями, и при проведении интенсивной поведенческой терапии у него все-таки имеются довольно хорошие предпосылки. Однако их надежды совершенно не оправдались, и, по правде говоря, Франс не знал, что произошло со всеми деньгами, предназначенными для помощи и поддержки, или даже с обучением мальчика в школе. Бальдер жил в собственном мире, сбежал в США и угодил в конфликтные отношения со всеми сразу.

Он поступил, как идиот. Но теперь ему предстояло вернуть долг и позаботиться о сыне, и он с жаром принялся за дело. Заказал медицинские карты, обзвонил специалистов и педагогов – и быстро понял, что деньги, которые он посылал, тратились не на Августа, а разошлись на что-то другое; наверняка на загулы и карточные долги Лассе Вестмана. Мальчика, похоже, в основном оставляли плыть по течению, позволяя ему закоснеть в навязчивых привычках, и, вероятно, подвергали намного худшим вещам, что стало одной из причин возвращения Франса домой.

Ему позвонил один из психологов, чтобы выразить беспокойство по поводу таинственных синяков на теле мальчика, и Франс тоже обратил на них внимание. Они присутствовали у Августа повсюду – на руках и ногах, на груди и на плечах. По словам Ханны, синяки появились в результате собственных припадков мальчика, когда тот метался то туда, то сюда, и Бальдеру действительно довелось наблюдать один из таких припадков уже на второй день, что напугало его до безумия. Однако, по его мнению, синяки имели какое-то иное происхождение.

Заподозрив насилие, он обратился за помощью к терапевту и бывшему полицейскому, которых знал лично, и хотя те не смогли с полной уверенностью подтвердить его подозрения, Бальдер еще больше заволновался и написал ряд официальных писем и заявлений. О мальчике он чуть ли не позабыл. Забыть о нем было на редкость легко. Август в основном сидел на полу в комнате с выходящими на море окнами, которую обустроил для него Франс на вилле в Сальтшёбадене^[1], и складывал пазлы, безнадежно трудные пазлы, состоящие из сотен кусочков, которые он виртуозно составлял вместе только для того, чтобы сразу опять разбросать их и начать все заново.

Поначалу Франс смотрел на него с восхищением. Это было все равно, что наблюдать за работой великого художника, и иногда у него возникала иллюзия, что мальчик в любой момент поднимет глаза и скажет ему что-нибудь совершенно взрослое. Но Август не произносил ни слова, а если поднимал голову от пазла, то смотрел мимо него в сторону окна и отражавшегося в воде солнечного света, и в конце концов Франс оставил его в покое.

Август получил возможность сидеть в одиночестве, и, честно говоря, Франс редко выводил его на улицу, даже в сад.

Чисто формально Бальдер не имел права заботиться о мальчике и не хотел чем-либо рисковать, прежде чем наведет порядок в юридической стороне вопроса, поэтому все покупки, приготовление еды и уборку он препоручил домоправительнице Лотти Раск. По этой части Франс силен не был. Он хорошо разбирался в компьютерах и алгоритмах, но больше почти ни в чем, и чем дальше, тем больше занимался ими и перепиской с адвокатами, а по ночам спал так же плохо, как в США.

Вскоре ему предстояли вызовы в суд и разные бури, и по вечерам он выпивал бутылку красного вина, обычно «Амароне», но помогало это лишь на короткое время. Чувствовал он себя все хуже и мечтал о том, чтобы раствориться в воздухе или скрыться в каком-нибудь гостеприимном месте у черта на куличках. Но вот в одну ноябрьскую субботу кое-что произошло. Вечер выдался ветреный и холодный, они с Августом шли по улице Рингвэген в районе Сёдер^[2] и мерзли.

Перед этим они ужинали у Фарах Шариф, на Цинкенс-вэг, и Августу давно пора было спать. Но ужин затянулся, и Бальдер излишне разговорился. Фарах Шариф обладала способностью вызывать людей на откровенность. Они с Франсом знали друг друга еще по лондонскому Империял-колледжу, где вместе изучали компьютерные науки, а на сегодняшний день Фарах была одной из немногих в стране, кто соответствовал уровню Франса или, по крайней мере, мог достаточно хорошо следить за ходом его мыслей, и для него было невероятным освобождением встретиться с понимающим человеком.

Впрочем, она ему еще и нравилась, однако, несмотря на неоднократные попытки, ему так и не удалось ее соблазнить. Соблазнять женщин Бальдер умел плохо. Но на этот раз ему на прощание досталось объятие, почти поцелуй, и Франс расценил это как большой успех, о чем он и думал, когда они с Августом проходили мимо стадиона «Цинкенсдамм». Франс решил, что в следующий раз наймет няню и тогда, возможно... Как знать?

Неподалеку лаяла собака. Позади него кричала женщина – то ли от возмущения, то ли от радости, сразу не разберешь, – но он смотрел в сторону улицы Хурнсгатан и перекрестка, где намеревался поймать такси или сесть на метро, чтобы доехать до Шлюза^[3]. В воздухе запахло дождем, светофор у перехода переключился на красный, на другой стороне улицы остановился потрепанный мужчина лет сорока, показавшийся Франсу смутно знакомым.

В этот момент Бальдер взял Августа за руку. Ему хотелось убедиться в том, что сын не сошел с тротуара, и тут он почувствовал: рука была напряжена так, будто мальчик на что-то сильно среагировал. Кроме того, его глаза стали пронзительными и ясными, словно с них, как от взмаха волшебной палочки, спала пелена, и вместо того, чтобы неотрывно смотреть внутрь, в собственные завихрения, Август видел в переходе и перекрестке нечто более глубокое и важное, чем остальные, поэтому Франс решил не обращать внимания на загоревшийся зеленый свет.

Он дал сыну постоять и понаблюдать за развитием событий, и непонятно почему его вдруг охватило сильное душевное волнение, что показалось ему странным. Всего лишь взгляд и только, причем не слишком светлый или радостный. Тем не менее он напомнил Франсу о чем-то далеком, забытом, дремавшем в его памяти, и впервые за долгое время собственные мысли показались ему по-настоящему обнадеживающими.

20 ноября

Микаэль Блумквист поспал всего пару часов, но лишь потому, что слишком зачитался детективом Элизабет Джордж. Конечно, это было не особенно разумно. В первой половине дня журнальный гуру Уве Левин из медиахолдинга «Сернер Медиа» собирался представлять «Миллениуму» свою программу, и Микаэлю следовало быть отдохнувшим и готовым к бою.

Однако проявлять разумность ему совершенно не хотелось. Он чувствовал, что ему все надоело. Блумквист нехотя встал и приготовил необычно крепкий капучино в «Jura Impressa X7» – кофеварке, доставленной ему однажды домой с запиской: «Ты скажешь: я все равно не смогу ею пользоваться», но стоявшей теперь у него на кухне, подобно памятнику лучшим временам. С приславшим кофеварку человеком у него на сегодняшний день не было никаких контактов, да и работа не слишком стимулировала их.

В прошедшие выходные он даже раздумывал, не заняться ли ему чем-нибудь другим – довольно глобальная идея для такого человека, как Микаэль Блумквист. «Миллениум» был его жизнью и страстью, и многие из лучших и наиболее драматических событий его жизни были непосредственным образом связаны с этим журналом. Однако ничто не вечно, возможно, даже любовь к «Миллениуму»; кроме того, сейчас было не самое благоприятное время для владельцев журналов, занимающихся журналистскими расследованиями.

Все публикации, ставившие перед собою крупные и амбициозные задачи, урезались, и он не мог отделаться от мысли, что его собственное видение «Миллениума», возможно, прекрасное и правильное в какой-то высшей перспективе, совсем не обязательно способствовало выживанию журнала.

Микаэль зашел в гостиную, потягивая кофе, и взглянул на залив Риддарфьерден. Там довольно сильно штормило. Бабье лето, озарявшее город солнцем еще добрую половину октября и позволявшее уличным кафе работать дольше обычного, резко сменилось просто адским климатом с регулярными порывистыми ветрами и ливнями, и люди в основном бегали по городу, согнувшись в три погибели. Все выходные Блумквист просидел дома, собственно, не только из-за погоды. Он вынашивал грандиозные планы реванша, но все ушло в песок – ни то, ни другое было на него не похоже.

Микаэль отнюдь не являлся лузером, которому вечно требовалось отбиваться, и, в отличие от многих других тяжеловесов шведских СМИ, не страдал раздутым самомнением, нуждавшимся в регулярном подтверждении и подпитке. С другой стороны, у него выдалось несколько неблагоприятных лет, и всего с месяц назад репортер-экономист Уильям Борг опубликовал в принадлежащем холдингу «Сернер» журнале «Деловая жизнь» обзор под заглавием: «Время Микаэля Блумквиста прошло».

Сама по себе публикация, да еще с таким громким названием, была, конечно, всего лишь признаком того, что позиции Блумквиста по-прежнему сильны, и никто не утверждал, что статья отличалась особенно удачными формулировками или оригинальностью. Пожалуй, от нее можно было бы с легкостью отмахнуться как от нападок завистливого коллеги. Но по какой-то причине – задним числом уже не понять, по какой именно, – все это разрослось в нечто большее, что поначалу могло, вероятно, истолковываться как дискуссия о профессии репортера – надо ли, «как Блумквист, все время искать в экономике страны ошибки и

держаться за устаревшую журналистику семидесятых годов», или надо, как сам Уильям Борг, «отбросив всяческую зависть, видеть величие выдающихся предпринимателей, ускоривших развитие Швеции».

Однако шаг за шагом дискуссия вышла за эти рамки, и уже начали злобно утверждать, что Блумквист не случайно оказался в последние годы в хвосте, «поскольку он, похоже, исходит из того, что все крупные предприятия жульничают», и поэтому ведет «свои расследования слишком жестко и слепо». Говорилось, что подобное в конечном счете непременно ждет кара. Впридачу ко всему даже о старом архибандите Хансе-Эрике Веннерстрёме, которого Блумквист, как утверждалось, довел до смерти, писали с некоторой симпатией, и хотя серьезные СМИ оставались в стороне, в социальных СМИ оскорбления выплескивались оптом и в розницу, причем нападки исходили не только от экономических репортеров и представителей деловых кругов, у которых имелись причины наброситься на врага, раз он в данный момент вроде бы ослаб.

Ряд молодых журналистов тоже не упустили шанса заявить о себе, они указывали, что Микаэль Блумквист даже мыслит не современно, не пользуется ни «Твиттером», ни «Фейсбуком», и его прямо-таки следует рассматривать как реликвию из минувших времен, когда имелись деньги на то, чтобы копаться в любых старых кипах бумаг. Или же народ просто пользовался случаем прицепиться и создавать забавные хэштеги типа «#каквовременаблумквиста» и тому подобные. В целом все это было кучей разных глупостей, и уж его-то подобная ерунда волновала меньше всех – по крайней мере, так он себе внушал.

С другой стороны, нельзя сказать, чтобы ситуацию улучшало то, что со времен дела Залаченко хорошего материала у него не было и что «Миллениум» действительно пребывал в кризисе. Тираж по-прежнему находился на приличном уровне – двадцать одна тысяча подписчиков. Но доходы от объявлений и рекламы катастрофически сокращались, а дополнительных средств от книг-бестселлеров больше не поступало, и поскольку совладелица, Харриет Вангер, не имела возможности вкладывать дополнительный капитал, правление против воли Микаэля позволило норвежской журнальной империи «Сернер» купить тридцать процентов акций. Это было не столь странным, как казалось или, по крайней мере, как казалось поначалу. Медиахолдинг «Сернер» издавал еженедельники и вечерние газеты, владел большим сайтом знакомств, двумя платными телевизионными каналами и футбольной командой из высшего дивизиона Норвегии, и, казалось бы, не имел никакого отношения к такому журналу, как «Миллениум».

Однако представители «Сернер» – прежде всего шеф отдела публицистики Уве Левин – заверили, что нуждаются в престижном издании и что «все» руководство восхищается «Миллениумом» и больше всего хочет, чтобы журнал оставался прежним. «Мы здесь не для того, чтобы зарабатывать деньги, – как выразился Левин. – Мы хотим делать нечто важное». И он сразу позаботился о существенной добавке в кассу журнала.

Поначалу «Сернер» не вмешивался в редакционную работу. Деятельность шла своим чередом – правда, с чуть лучшим бюджетом, – и по редакции распространилось новое ощущение надежды; иногда оно возникало даже у Микаэля Блумквиста, почувствовавшего, что он, в виде исключения, может посвятить время журналистике, а не волнениям из-за финансовой ситуации. Но приблизительно одновременно с началом гонений на него журналиста не покидали подозрения, что холдинг воспользовался ситуацией – тон изменился, и появились первые случаи давления.

Разумеется, Левин сказал, что журнал будет продолжать докапываться до глубины, сохранит литературную форму изложения, социальный пафос и тому подобное. Но ведь необязательно посвящать все статьи нарушениям в области экономики, несправедливостям и политическим скандалам. Он заявил, что о гламурной жизни – о знаменитостях и премьерах – тоже можно делать прекрасные репортажи, и принялся вдохновенно говорить о журналах «Вэнити фэйр» и «Эсквайр» в США, о Гее Телизе и его классическом портрете Синатры – «Frank Sinatra has a Cold»^[4], а также о Нормане Мейлере, Трумене Капоте, Томе Вулфе^[5] и еще бог знает о чем.

По существу, Блумквист ничего не мог возразить – тогда. Он сам всего полгода назад написал длинный репортаж об индустрии папарацци, и если б нашел хороший и серьезный угол зрения, то сумел бы описать любую незначительную персону. Микаэль обычно говорил, что качество журналистики определяется не темой, а подходом. Нет, воспротивился он тому, что почувствовал между строк: это прелюдия к более существенному вмешательству, а «Миллениум» начинал становиться для холдинга таким же, как любой другой журнал, то есть изданием, которое можно менять как угодно, пока оно не станет прибыльным – и выхолощенным.

Поэтому, услышав о том, что Уве Левин нанял консультанта и велел тому провести целый ряд обследований рынка, о результатах которых намерен доложить в понедельник, Микаэль просто-напросто отправился в пятницу после обеда домой и долго, сидя за письменным столом или лежа в постели, формулировал разные пламенные речи о том, почему «Миллениум» обязан держаться за собственную концепцию. В пригородах происходят беспорядки. В риксдаге сидит партия с откровенно неприязненным отношением к иностранцам. Растет нетерпимость. Фашизм укрепил свои позиции, повсюду есть бездомные и нищие. Швеция стала во многих отношениях постыдной страной. Блумквист сформулировал множество прекрасных, возвышенных фраз и в мечтах пережил целый ряд фантастических триумфов, произнеся так много метких и убедительных слов, что вся редакция и даже весь холдинг «Сернер» очнулись от своих ошибочных представлений и дружно решили следовать за ним.

Однако по здравому размышлению Микаэль осознал, насколько легковесны подобные слова, если никто не верит в них чисто экономически. *Money talks, bullshit walks*^[6] и все такое! Прежде всего, журнал должен окупаться. А уже потом можно изменять мир. Только так, а не иначе, и вместо планирования сердитых речей он задумался, нельзя ли подыскать хороший материал. Надежда на мощное разоблачение, возможно, смогла бы пробудить у редакции уверенность в себе и заставить их всех наплевать на исследования и прогнозы Левина в отношении замшелости «Миллениума», или что там Уве задумал им выложить.

Со времени своей сенсационной публикации Блумквист стал чем-то вроде новостного центра. Ежедневно он получал наводки на правонарушения и темные дела. В большинстве своем, по правде говоря, это была чистейшая ерунда. Разные правдоискатели, заговорщики-теоретики, вруны и выскочки поставляли ему истории самого бессмысленного свойства, не выдерживавшие даже поверхностной проверки, или, по крайней мере, недостаточно интересные, чтобы вылиться в статью. С другой стороны, за чем-то совершенно банальным или будничным иногда крылся великолепный материал. Простое дело, связанное со страховкой, или тривиальное заявление об исчезновении человека могло вмещать в себя большую историю общечеловеческого уровня. Никогда точно не знаешь. Надо все методично изучать на свежую голову, и поэтому в субботу утром Микаэль уселся с ноутбуком и

блокнотами и стал шгудировать все, что у него имелось.

Он просидел до пяти часов и, в общем-то, обнаружил кое-что, увлекшее бы его лет десять назад, но теперь не вызвавшее особого энтузиазма – классическая проблема, уж кому-кому, а ему хорошо известная. После нескольких десятилетий в профессии большинство тем кажется знакомыми, и хотя ты умом понимаешь, что какой-то материал хорош, он все равно тебя не увлекает. Когда вдобавок на крышу обрушился холодный проливной дождь, Микаэль прервал работу и переключился на Элизабет Джордж.

Это не только эскапизм, убеждал он себя. Иногда самым лучшим идеям надо вылежаться, говорил его опыт. Если заняться чем-то другим, фрагменты мозаики могут внезапно встать на свои места. Однако никакой другой конструктивной мысли, кроме того, что следует почаще лежать, читая хорошие романы, ему в голову не пришло, и к утру понедельника, снова принесшему отвратительную погоду, Блумквист успел проглотить полтора детектива Джордж плюс три старых номера журнала «Нью-Йоркер», давно пылившихся у него на ночном столике.

И вот теперь Микаэль сидел на диване в гостиной с чашкой капучино в руках и смотрел на непогоду за окном. Чувствовал он себя усталым и безразличным ко всему вплоть до того момента, как резким рывком – словно внезапно решив, что вновь обрел дееспособность, – поднялся, натянул ботинки и зимнее пальто и вышел из дома. На улице было на редкость противно.

Леденящие порывы ветра с дождем пронизывали до мозга костей, и Микаэль быстрым шагом двинулся в сторону улицы Хурнгатан, казавшейся необычайно серой. Весь район Сёдер словно бы лишился своих красок. Даже ни единого сверкающего осеннего листочка не кружило в воздухе. Опустив голову и скрестив руки на груди, Блумквист продолжил путь мимо церкви Марии Магдалины к Шлюзу, а затем свернул направо, на холм Гётгатсбаккен и, как обычно, зашел в здание между магазином одежды «Монки» и пабом «Индиго». Поднявшись в редакцию, находившуюся на четвертом этаже, прямо над помещениями Гринпис, он уже при входе услышал шум голосов.

Внутри оказалось необычно много народу. Тут была редакция в полном сборе, плюс главные внештатные сотрудники, а также три представителя «Сернер» – два консультанта и Уве Левин, который по случаю такого дня оделся даже чуть более демократично. Он уже не походил на директора и явно подцепил несколько новых выражений, в частности, простонародное «здорово».

– Здорово, Микке, как дела?

– Это зависит от тебя, – ответил Блумквист, в принципе ничего худого не имея в виду.

Однако он заметил, что это было воспринято как объявление войны, и, сдержанно кивнув, прошел дальше и сел на один из стульев, расставленных в редакции, как в небольшой аудитории.

Уве Левин откашлялся и нервно взглянул в сторону Микаэля Блумквиста. Знаменитый репортер, казавшийся в дверях настроенным воинственно, теперь выглядел вежливо заинтересованным и не проявлял никаких признаков стремления ссориться или аргументировать. Впрочем, Уве это ничуть не успокоило. Когда-то они с Блумквистом вместе замещали штатных репортеров в газете «Экспрессен». Писали они в то время в основном новости короткой строкой и кое-какую чушь. Зато потом, в кафе, мечтали о солидных

репортажах и разоблачениях, часами рассуждая о том, что никогда не станут довольствоваться чем-то традиционным или сглаженным, а всегда будут докапываться до глубины. Молодым и амбициозным, им хотелось всего сразу. Порой Уве скучал по тому времени – не по зарплате, разумеется, или по работе, или даже по вольной жизни с барами и девушками, – а по мечтам: ему не хватало в них мощи. Он временами тосковал по клокоцущему желанию изменить общество и журналистику и писать так, чтобы мир замирал, а власти пригибались, и, конечно, даже такой большой человек, как он, неизбежно иногда задавался вопросом: «Что со всем этим стало? Куда подевались мечты?»

А Микке Блумквист воплотил в жизнь каждую из них – и не только потому, что являлся автором нескольких наиболее громких за последнее время разоблачений. Он к тому же писал именно с теми силой и пафосом, о которых они некогда мечтали, и никогда не сгибался под нажимом властей и не шел на компромисс со своими идеалами, в то время как сам Уве... Да, но ведь отличную карьеру-то сделал он? На сегодняшний день Левин зарабатывал наверняка в десять раз больше Блумквиста, что его безумно радовало. Какую пользу принесли Микке его сенсации, если он не мог даже купить себе более крутую дачу, чем малюсенький домик в Сандхамне? Господи, что такое эта хибара по сравнению с новым домом Уве в Каннах? Ничто!.. Нет, правильный путь избрал он, а не другие.

Вместо того чтобы корпеть в разных ежедневных газетах, Уве нанялся в «Сернер» медийным аналитиком и сумел завязать личные отношения с самим Хоконом Сернером, что изменило его жизнь и сделало богатым. Сегодня в его ведении находилась публицистика целого ряда крупных журнальных издательских домов и каналов, и ему это очень нравилось. Он обожал власть, деньги и все, что отсюда вытекало. Но тем не менее... он был достаточно великодушен, чтобы признаваться, что иногда мечтает и о другом, разумеется, в ограниченных дозах, но все-таки. Ему хотелось еще считаться отличным публицистом – таким, как Блумквист, и наверняка именно поэтому он так жестко настаивал на покупке концерном акций «Миллениума». Маленькая птичка принесла ему на хвосте, что журнал пребывает в экономическом кризисе и что главный редактор Эрика Бергер, в которую Уве всегда был тайно влюблен, хочет сохранить двоих сотрудников из последнего набора – Софи Мелкер и Эмиля Грандена, – а без новых капиталовложений в журнал ей это едва ли удастся.

Короче говоря, Уве увидел, что открылась неожиданная возможность стать совладельцем одного из крупных и престижных изданий Швеции. Правда, нельзя сказать, что руководство «Сернер» проявило особый энтузиазм. Напротив, там стали поговаривать, что «Миллениум» старомоден, отличается левой ориентацией и имеет тенденцию конфликтовать с важными рекламодателями и партнерами, и не аргументируй Уве столь пылко, дело наверняка бы ушло в песок. Но он упорствовал. Инвестиция в «Миллениум» является в общем контексте пустяковой суммой, говорил он, незначительным вложением, которое, скорее всего, не принесет сверхприбыли, но зато поможет создать нечто куда более важное – доверие, а на данном этапе, после всех сокращений и кровавых бань, о «Сернер» можно было сказать что угодно, но уровень доверия не являлся главным достоинством холдинга, и поэтому вложение в «Миллениум» могло бы стать показателем того, что он все-таки проявляет интерес к журналистике и свободе слова. Правление «Сернер», разумеется, не отличалось излишней любовью к свободе слова или журналистским расследованиям а-ля «Миллениум». Но, с другой стороны, чуть больше доверия им бы не повредило. Это все-таки понимали все, поэтому Уве удалось добиться покупки, и долгое время она казалась удачей для обеих сторон.

«Сернер» приобрел хорошее паблисити, а «Миллениум» смог сохранить персонал и сделать ставку на то, в чем журнал был силен, – глубоко копающие, хорошо написанные репортажи. Сам же Уве сиял, точно солнце, и даже принял участие в дебатах в Клубе журналистов, где со всей скромностью заявил:

– Я верю в это замечательное предприятие. Я всегда боролся за журналистские расследования.

Но потом... об этом ему думать не хотелось. Началась травля Блумквиста, и Уве это особенно не расстроило – во всяком случае, поначалу. С тех самых пор, как Микаэль стал большой звездой на небосклоне журналистики, Левин не мог втайне не радоваться, когда Блумквиста высмеивали в СМИ. Впрочем, на этот раз удовлетворение продолжалось недолго. Юный сын Сернера – Торвальд – заметил шумиху в социальных СМИ и раздул из нее целое дело – разумеется, не потому, что его волновала суть. Торвальд был не из тех парней, кого интересуют взгляды журналистов. Он любил власть, обожал интриговать и усмотрел здесь шанс заработать несколько очков или просто утереть нос старшему поколению правления, и за короткое время сумел заставить исполнительного директора Стига Шмидта – который совсем недавно не имел для подобных мелочей времени – заявить, что никаких привилегий «Миллениуму» они предоставлять не будут, и журналу придется приспособливаться к новому времени наравне с остальными изданиями холдинга.

Уве, как раз успевший заверить Эрику Бергер в том, что не станет вмешиваться в работу редакции, разве только как «друг и советчик», почувствовал, что у него связаны руки, и был вынужден вести сложную закулисную игру. Он всеми возможными способами пытался увлечь Эрику, Малин и Кристера идеей журнала с новой целью, так четко и не сформулированной – поспешно придуманное в панике ведь редко обретает конкретные формы, – но каким-то образом направленной на омоложение и коммерциализацию «Миллениума».

Естественно, Уве раз за разом подчеркивал, что речь не идет о компромиссе в главном – об отступлении от духа журнала и его дерзкой позиции, хотя, по правде говоря, сам не был до конца уверен в том, что имеет в виду. Он знал только, что ему надо ввести в журнал больше гламура, чтобы порадовать правление, и что длинных расследований в области экономики должно стать меньше, поскольку они могут раздражать рекламодателей и создавать правлению врагов – хотя этого он, разумеется, Эрике не говорил.

Лишних конфликтов ему не хотелось, и на встречу с редакцией Левин на всякий случай пришел одетым более демократично, чем обычно. Он не хотел провоцировать коллектив блестящими костюмами и галстуками, ставшими невероятно модными в головном офисе. Вместо этого Уве надел джинсы, простую белую рубашку и темно-синий джемпер с V-образным вырезом, даже не из кашемира, а длинные вьющиеся волосы – всегда бывшие его маленькой бунтарской уловкой – собрал в хвост, в точности как самые крутые журналисты на телевидении. Но главное, свою речь он начал исключительно смиренно, как его учили на разных курсах менеджмента:

– Всем здравствуйте! Какая кошмарная погода! Я уже несколько раз говорил, но с удовольствием повторю: мы в «Сернер» невероятно гордимся сопричастностью к вашей деятельности, а лично для меня это означает даже больше. Участие в создании таких журналов, как «Миллениум», придает моей работе весомости и заставляет меня вспомнить о том, зачем я когда-то пошел в эту профессию. Помнишь, Микке, как мы сидели в баре при Оперном театре и мечтали о том, что будем создавать вместе? Трезвее мы от этого, правда,

не становились, хе-хе!

Микаэль Блумквист, похоже, ничего не припоминал. Но Уве Левин не дал себя смутить.

– Нет, нет, я не собираюсь предаваться ностальгии, – продолжал он, – да, собственно, для этого и нет повода. В то время денег в нашей отрасли было сколько угодно. Если в местечке Крокемола случалось какое-нибудь паршивое убийство, мы нанимали вертолет, бронировали целый этаж в лучшей гостинице и заказывали шампанское для вечеринки. Знаете, собираясь в первую зарубежную поездку, я спросил журналиста-международника Ульфа Нильсона, каков курс немецкой марки. Он ответил, что не имеет понятия, потому что сам устанавливает курсы валют. Хе-хе! И мы вволю раздували командировочные счета, помнишь, Микке? Пожалуй, именно тогда мы были наиболее креативными. От нас требовалось только побыстрее строчить статейки, но тем не менее мы распродавали любые тиражи. Однако с тех пор многое изменилось – мы все это знаем. Конкуренция теперь убийственная, и зарабатывать деньги на журналистике нелегко, даже являясь, как вы, лучшей редакцией Швеции, и сегодня мне бы хотелось немного поговорить о вызовах будущего. Я отнюдь не воображаю, что могу вас чему-то научить. Просто хочу дать вам немного материала для дискуссии. Мы в «Сернер» заказали ряд исследований, касающихся круга ваших читателей и того, как общественность смотрит на «Миллениум». Не исключено, что некоторые результаты могут вас немного напугать. Но вместо того, чтобы расстраиваться, вы должны рассматривать это как вызов и подумать о том, что вокруг происходят просто сумасшедшие перемены.

Уве сделал маленькую паузу и задумался о том, не было ли выражение «сумасшедшие перемены» ошибкой, преувеличенной попыткой казаться расслабленным и молодежью, и вообще не получилось ли начало излишне панибратским и шутливым. «Всегда надо помнить об отсутствии у моралистов с плохой зарплатой чувства юмора», – говорил обычно Хокон Сернер. Но нет, решил Уве, я справлюсь.

Я перетащу их на свою сторону.

Микаэль Блумквист бросил слушать примерно, когда Левин стал объяснять, что они все должны задуматься над своей «дигитальной зрелостью», и поэтому пропустил мимо ушей сообщение о том, что молодое поколение не знает ни «Миллениума», ни Микаэля Блумквиста. К несчастью, именно в этот момент он почувствовал, что с него хватит, и пошел выпить кофе, а потому не имел ни малейшего представления о том, что норвежский консультант Арон Ульман, не стесняясь, заявил:

– Плачевно. Неужели он так боится оказаться забытым?

На самом же деле в данную минуту это волновало Микаэля меньше всего. Его разозлило то, что Уве Левин, похоже, полагал, будто их могут спасти анализы общественного мнения. Журнал создали не какие-то проклятые исследования рынка, а пафос и пыл. «Миллениум» достиг своей позиции потому, что они делали ставку на то, что казалось им правильным и важным, а не тыкали пальцем в небо. Микаэль долго просто стоял на кухне, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем к нему выйдет Эрика.

Ответом стало примерно две минуты. По звуку ее каблучков Блумквист пытался определить, насколько она сердита. Но, оказавшись перед ним, Бергер лишь подавленно улыбнулась ему.

– Как ты? – спросила она.

– Просто не было сил слушать.

– Ты осознаешь, что людям чертовски неловко, когда ты себя так ведешь?

– Сознаю.

– И думаю, ты также понимаешь, что «Сернер» ничего не сможет сделать без нашего разрешения. Мы по-прежнему контролируем ситуацию.

– Ни черта мы не контролируем. Мы их заложники, Рикки! Неужели тебе это не ясно? Если мы им не подчинимся, они лишат нас поддержки, и тогда мы окажемся в заднице, – сказал он чуть слишком громко и сердито, и когда Эрика, шикнув на него, покачала головой, добавил потише: – Извини. Я веду себя, как ребенок. Но сейчас я пойду обратно домой. Мне надо подумать.

– Ты стал очень сокращать себе рабочие дни.

– Думаю, у меня не отгуляны еще кое-какие давние переработки, и их можно зачесть.

– Можно. Зайти к тебе вечером?

– Даже не знаю. Правда не знаю, Эрика, – сказал он, после чего покинул редакцию и вышел на Гётгатан.

Ветер и дождь били ему в лицо, Микаэль мерз и чертыхался. На мгновение он задумался, не забежать ли ему в книжный магазин и не купить ли еще один английский детектив – чтобы отвлечься. Но вместо этого Блумквист свернул на Сант-Паульсгатан, и как раз возле суши-ресторана у него зазвонил мобильный. Микаэль был уверен, что это Эрика. Но в телефоне оказалась Пернилла, его дочь, выбравшая, пожалуй, самый неподходящий момент для общения с отцом, который уже изначально терзался угрызениями совести из-за того, что слишком мало для нее делает.

– Привет, дорогая, – отозвался он.

– Что это шумит?

– Думаю, буря.

– О'кей, о'кей, я быстренько. Я поступила на курсы для писателей и журналистов в Бископс Арне^[7].

– Значит, теперь тебе захотелось писать, – произнес Микаэль излишне сурово, почти с сарказмом, что было, разумеется, несправедливо во всех отношениях.

Ему следовало просто поздравить ее и пожелать удачи. Но Пернилла так много лет металась между странными христианскими сектами и изучала то одно, то другое, не доводя ничего до конца, что, когда она объявила о новом роде занятий, он ощутил в основном усталость.

– Это не слишком похоже на радостный возглас.

– Сорри, Пернилла. Я сегодня не в себе.

– А когда ты бываешь в себе?

– Мне просто хочется, чтобы ты нашла себе что-нибудь действительно подходящее. Я не уверен, что учиться писать – это особенно удачный выбор, принимая во внимание то, как сейчас выглядит наша отрасль.

– Я не собираюсь заниматься какой-нибудь скучной журналистикой, как ты.

– А что же ты собираешься делать?

– Писать по-настоящему.

– О'кей, – согласился Микаэль, не спрашивая, что она под этим подразумевает. – У тебя достаточно денег?

– Я подрабатываю в «Wayne's Coffee»^[8].

– Не хочешь прийти сегодня поужинать? Мы могли бы все обсудить.

– Не успею, папа. Я только хотела сообщить, – сказала она и повесила трубку.

Несмотря на попытки увидеть положительную сторону в ее энтузиазме, Микаэль лишь пришел в еще худшее настроение и, поспешно миновав площадь Мариаторгет и улицу Хурнsgатан, добрался до своей мансарды на Бельманsgатан.

Казалось, он буквально только что отсюда вышел. У него возникло странное ощущение, будто никакой работы у него больше нет и он пребывает на пути к новой форме существования, где не надо будет вкалывать из последних сил, зато образуется масса времени, и Блумквист ненадолго задумался, не прибраться ли в квартире. Повсюду валялись газеты, книги и одежда. Однако вместо этого он достал из холодильника две бутылки пива «Пилзнер Урквел», уселся на диване в гостиной и стал все обдумывать более трезво – или, во всяком случае, настолько трезво, как смотрит на жизнь человек, принявший немного пива. Что же ему делать?

Микаэль не имел об этом никакого представления, и, пожалуй, больше всего его тревожила утрата желания бороться. Напротив, он ощущал странное смирение, как будто «Миллениум» ускользал из сферы его интересов. Он вновь подумал: «Не пришло ли время заняться чем-нибудь новым?» Конечно, это стало бы страшным предательством по отношению к Эрике и остальным. Но способен ли он на самом деле руководить журналом, существующим за счет рекламы и подписки? Возможно, он подошел бы лучше в каком-то другом месте?

Сейчас туго приходится даже таким монстрам, как большие утренние газеты, и единственное место, где есть ресурсы и деньги для журналистских расследований, это в общественно-правовом вещании, либо в «Экот»^[9], либо на Шведском телевидении... ну, почему бы и нет? Микаэль подумал о Кайсе Окерстам, человеку довольно симпатичном, с которым они время от времени выпивали по паре бокалов вина. Кайса являлась руководителем телевизионной программы, посвященной журналистским расследованиям, и год за годом пыталась переманить его к себе. Но для него это никогда не было актуальным.

Все равно, что бы она ему ни предлагала и как свято ни обещала поддержку и полную свободу, домом и сердцем для него был «Миллениум». Но теперь... он, возможно, и согласился бы, если предложение по-прежнему осталось в силе после всей той грязи, которую на него вылили. В своей профессии Блумквист делал многое, но не на телевидении – там он лишь участвовал в сотнях дискуссионных программ и утренних ток-шоу. Работа в программе, посвященной журналистским расследованиям, возможно, зажгла бы в нем новый огонь...

Зазвонил мобильный телефон, и Микаэль на мгновение обрадовался. Независимо от того, Эрика это или Пернилла, он чувствовал готовность быть приветливым и действительно слушать их. Но нет, номер не высветился, и Микаэль ответил уклончиво.

– Это Микаэль Блумквист? – спросил молодой голос.

– Да.

– У тебя найдется время поговорить?

– Если ты представишься, возможно, найдется.

– Меня зовут Линус Брандель.

– О'кей, Линус, что тебе надо?

– У меня есть для тебя материал.

– Выкладывай!

– Расскажу, если дойдешь до паба «Бишопс Армс» на противоположной стороне улицы и встретишься со мной.

Микаэль рассердился – мало того, что говорит командным тоном, так еще заявился в его собственный квартал.

– Думаю, сойдет и по телефону.

– Такое не следует обсуждать по открытой линии.

– Линус, почему разговор с тобой нагоняет на меня тоску?

– Возможно, у тебя был плохой день.

– День действительно был плохой, так что тебе очко.

– Вот видишь... Спускайся в паб, я угощу тебя пивом и расскажу нечто очень увлекательное.

Больше всего Микаэлю хотелось прошипеть: «Прекрати указывать мне, что делать!» Тем не менее, сам не понимая почему или, возможно, просто из-за отсутствия более разумного занятия, чем размышления над будущим, он сказал:

– За свое пиво я плачу сам... Ладно, приду.

– Мудро.

– Но, Линус...

– Да?

– Если начнешь грузить меня множеством диких теорий заговоров о том, что Элвис жив и что тебе известно, кто застрелил Улофа Пальме, а не перейдешь прямо к делу, я сразу уйду домой.

– Fair enough^[10], – ответил Линус Брандель.

20 ноября

Ханна Бальдер стояла на кухне, в квартире на Торсгатан, и курила сигарету «Кэмел» без фильтра. На ней был голубой халат и стоптанные серые тапки, и, невзирая на прекрасные густые волосы и еще сохранившуюся красоту, выглядела она измученной. Губа у нее опухла, а обильный слой тона вокруг глаз имел не только эстетическую цель. Ханне Бальдер опять крепко досталось.

Доставалось ей часто. Было бы, конечно, неправдой сказать, что она с этим свыклась. К побоям такого рода не привыкают. Но они стали частью ее жизни, и она уже почти не помнила того, каким веселым человеком была когда-то. Страх сделался теперь неотъемлемой частью ее личности, и с некоторых пор Ханна курила по шестьдесят сигарет в день и принимала успокоительные таблетки.

В гостинной выкрикивал ругательства Лассе Вестман, что не слишком удивляло Ханну. Она уже давно поняла, что он пожалел о щедром жесте по отношению к Франсу. Собственно говоря, это было для нее загадкой изначально. Ведь Лассе зависел от денег, которые Франс присылал им на Августа. Временами он подолгу на них жил, по большому счету, и Ханне иногда приходилось сочинять лживые мейлы о непредвиденных расходах на какого-нибудь педагога или особый тренинг, которых, разумеется, не было и в помине, поэтому ей казалось таким странным: почему он отказался от всего этого и позволил Франсу забрать мальчика?

В глубине души ответ Ханна все-таки знала. Вызванная алкоголем самонадеянность. Обещание роли в новом полицейском сериале на четвертом канале, еще прибавившее ему спеси. Но прежде всего – Август. Лассе считал мальчика гадким и подозрительным, и это было самым непостижимым из всего. Как кто-то мог испытывать к Августу отвращение? Он ведь просто сидел на полу со своими пазлами и никому не мешал. Тем не менее Лассе его, казалось, ненавидел, и связано это, вероятно, было со взглядом, с тем самым странным взглядом, устремленным скорее внутрь, чем наружу, который обычно вызывал у других людей улыбку и наводил их на мысль, что у мальчика, наверное, богатая внутренняя жизнь, но почему-то действовал Лассе на нервы.

– Черт, Ханна! Он прямо пронзает меня взглядом! – иногда выкрикивал он.

– Ты же говоришь, что он идиот.

– Он действительно идиот, но в нем все равно есть что-то подозрительное. У меня такое чувство, будто он что-то против меня замышляет.

Это был чистой воды нонсенс, Август даже не смотрел на Лассе, да и ни на кого другого тоже, и он никому не хотел зла. Внешний мир ему лишь мешал, больше всего мальчику нравилось замыкаться в себе. Однако Лассе, пребывая в белой горячке, полагал, будто мальчик планирует какую-то форму мести, и наверняка поэтому позволил Августу и деньгам исчезнуть из их жизни. Какая глупость! По крайней мере, так истолковала это Ханна. Но сейчас, когда она, стоя возле раковины, так напряженно и нервно курила, что табак попадал ей на язык, ей подумалось, что, может, что-то в этом все-таки было. Возможно, Август питал к Лассе ответную ненависть. Возможно, ему действительно хотелось наказать его за все полученные удары, а возможно... Ханна закрыла глаза и прикусила губу... мальчик плохо относился и к ней тоже.

Подобные самоуничижительные мысли появились у нее с тех пор, как по вечерам ее начала охватывать почти нестерпимая тоска, и она стала задаваться вопросом, не навредили ли они с Лассе Августу. «Я плохой человек», – пробормотала Ханна, и тут как раз Лассе ей что-то крикнул. Женщина не расслышала.

– Что? – переспросила она.

– Где, черт побери, постановление суда об опеке?

– Зачем оно тебе?

– Я докажу, что он не имеет права держать его у себя.

– Ты же только что так радовался, что избавился от него.

– Тогда я был пьян и глуп.

– А сейчас ты вдруг протрезвел и поумнел?

– Чертовски поумнел, – подходя к ней, прошипел он, озлобленный и вместе с тем полный решимости.

Ханна снова закрыла глаза и в тысячный раз задумалась над тем, почему все пошло наперекосяк.

Франс Бальдер больше не походил на того элегантного служащего, который приходил к бывшей жене. Теперь волосы у него стояли дыбом, над верхней губой сверкали капельки пота, и он уже по меньшей мере три дня не брился и не принимал душ. Невзирая на намерение полностью посвятить себя отцовству и на яркое мгновение надежды и душевного волнения на Хурнsgатан, он вновь сидел, погружившись в глубокую концентрацию, которую можно было ошибочно принять за злость.

Бальдер даже скрипел зубами, и вот уже несколько часов, как мир и буря за окнами перестали для него существовать, поэтому он не замечал происходящего возле его ног – мелких, неловких движений, словно между ног проскользнул кот или какой-то зверек. Лишь через несколько минут он осознал, что к нему под стол заполз Август. Франс посмотрел на него мутным взглядом, как будто поток кодов программирования по-прежнему пеленой застилал ему глаза.

– Что ты хочешь?

Август поднял на него умоляющие, ясные глаза.

– Что? – продолжал Франс. – Что?

И тут что-то произошло. Мальчик взял с пола лист, полный квантовых алгоритмов, и принялся лихорадочно водить по нему рукой, взад и вперед. На мгновение Франсу подумалось, что у мальчика сейчас случится новый припадок. Но нет, Август скорее притворялся, будто суетливо что-то пишет, и тогда Франс напрягся всем телом, вновь вспомнив о чем-то важном и далеком, в точности как на перекрестке на Хурнsgатан. Только на этот раз он понял, что это.

Ему вспомнилось собственное детство, когда цифры и уравнения были для него важнее самой жизни, и поэтому он, просяив, воскликнул:

– Тебе хочется считать! Ведь правда, тебе хочется считать?

В следующее мгновение он бросился за ручками и линованными листами формата А4 и положил их перед Августом. Затем написал простейшую серию чисел, пришедшую ему в голову, – последовательность Фибоначчи, где каждая цифра равнялась сумме двух предыдущих: 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, – и оставил место для следующей суммы, равнявшейся 34. Но тут он подумал, что это, вероятно, слишком просто, и поэтому написал еще

геометрическую серию: 2, 6, 18, 54..., где каждая цифра умножалась на три, и таким образом, недостающим оказывалось число 162 – для решения этой задачи, по его мнению, талантливому ребенку никаких особых подготовительных знаний не требовалось. Иными словами, у Франса было достаточно своеобразное представление о простом в математике, и ему сразу стало казаться, что мальчик вовсе не отстает в развитии, а скорее является улучшенной копией его самого – ведь он тоже запаздывал с речью и социальной интерактивностью, но зато понимал математические связи задолго до того, как произнес первое слово.

Бальдер долго сидел рядом с мальчиком, выжидая. Но, разумеется, ничего не происходило. Август просто фиксировал цифры своим стеклянным взглядом, будто надеясь, что ответы поднимутся с бумаги сами собой, и под конец Франс оставил его в одиночестве, пошел на второй этаж, выпил газированной воды и продолжил работать за кухонным столом с ручкой и бумагой. Однако концентрацию словно ветром сдуло. В конце концов он стал немного рассеянно листать новый номер журнала «Нью сайентист» и провел за этим занятием, вероятно, полчаса или около того. Потом встал и снова спустился к Августу.

На первый взгляд казалось, что ничего не произошло; Август сидел на корточках в том же неподвижном положении, в каком его оставили. Затем Франс обнаружил кое-что, вызвавшее у него поначалу лишь небольшое любопытство.

В следующее мгновение ему подумалось, что перед ним нечто совершенно необъяснимое.

Посетителей в «Бишопс Армс» было не слишком много. Еще только начиналась вторая половина дня, да и погода не располагала к прогулкам, даже до ближайшего паба. Тем не менее Микаэля встретили криками и смехом, а какой-то хриплый голос завопил:

– Калле Блумквист!

Голос принадлежал мужчине с красным одутловатым лицом, пышной шевелюрой и закрученными маленькими усиками, которого Микаэль много раз видел в своем квартале и подозревал, что его зовут Арне. Обычно он с точностью минутной стрелки каждый день прибывал в паб ровно в два часа, но сегодня, вероятно, появился здесь раньше и вместе с тремя собутыльниками уселся за столик слева от бара.

– Микаэль, – с улыбкой поправил его Микаэль.

Арне, или как его там зовут, и его друзья захохотали, словно правильное имя Микаэля было самым забавным из того, что им доводилось слышать.

– Готовишь какую-нибудь сенсацию? – не унимался Арне.

– Подумываю над разоблачением всех сомнительных делишек в «Бишопс Армс».

– Считаешь, Швеция уже созрела для такого материала?

– Вероятно, нет.

Вообще-то Микаэлю эта компания нравилась. Не потому, что его разговор с ними когда-либо выходил за рамки таких незатейливых фраз и приветственных возгласов. Но эти мужики тем не менее были частью его будней, благодаря которым он так хорошо чувствовал себя в этом квартале, и Блумквист ничуть не обиделся, когда один из них изрек:

– Говорят, твои дела идут под гору?

Напротив, его слова, казалось, низвели всю травлю на тот низкий, почти комичный уровень, где ей было самое место.

– Друг бутылка, под гору мой путь! Милое не вечно – вот в чем суть, – ответил Микаэль,

цитируя Фрëдинга^[11] и озираясь в поисках кого-нибудь достаточно надменного вида, чтобы выставлять из кабака усталых журналистов, но, кроме Арне с компанией, вообще никого не увидел и поэтому подошел к стоящему за барной стойкой Амиру.

Амир – толстый, добродушный и работающий, не покладая рук, отец четверых детей – открыл этот паб несколько лет назад. Они с Микаэлем успели неплохо подружиться. Назвать Блумквиста завсегдатаем заведения можно было лишь с натяжкой, но они помогали друг другу в делах иного рода; пару раз, когда Микаэль, ожидая в гости даму, не успевал сходить в винный магазин, Амир снабжал его несколькими бутылками красного вина, а тот, в свою очередь, помог не имевшему документов приятелю Амира составить ходатайства властям.

– Чему обязаны такой честью? – спросил Амир.

– Мне надо кое с кем встретиться.

– Что-нибудь интересное?

– Не думаю. Как дела у Сары?

Жена Амира Сара только что перенесла операцию на бедре.

– Ноет и ест болеутоляющие таблетки.

– Звучит не слишком весело. Передавай ей привет.

– Обязательно, – пообещал Амир, и они продолжили болтать о том о сем.

Однако Линус Брандель не появлялся, и Микаэль подумал, что его просто разыграли. С другой стороны, бывают шутки и похуже, чем выманить человека в ближайший паб, и, еще пятнадцать минут пообсуждав разные заботы, связанные с финансами и здоровьем, он развернулся и направился к дверям. Тут-то парень и прибыл.

Дело было не в том, что Август дополнил серии чисел правильными ответами. Этим произвести впечатление на такого человека, как Франс Бальдер, довольно трудно. Его внимание привлекло то, что лежало возле цифр и на первый взгляд казалось фотографией или картиной, но на самом деле представляло собою рисунок – точное изображение светофора на углу Хурнsgатан, мимо которого они проходили вечером несколько дней назад. Он был не просто потрясающе пойман – до мельчайших деталей и с какой-то математической строгостью. Светофор буквально светился. Хотя никто не учил Августа каким-либо правилам трехмерного изображения или тому, как художники работают со светом и тенью, сын, казалось, владел техникой в совершенстве. Красный глаз светофора сверкал им навстречу, и вокруг, тоже будто пылая, сгущалась осенняя темнота, а посреди улицы виднелся мужчина, показавшийся Франсу смутно знакомым. Лицо мужчины было схвачено только по брови. Он выглядел испуганным или, по крайней мере, неприятно удивленным, словно Август выбил его из равновесия и он шел чуть нетвердой походкой... Как, черт возьми, мальчик сумел это отобразить?

– Господи, – произнес Франс. – Неужели это сделал ты?

Август не кивнул, не помотал головой, а просто смотрел мимо него, в сторону окна, и у Бальдера возникло странное ощущение, что с этой секунды его жизнь изменится.

Микаэль даже толком не знал, чего ожидал: вероятно, представителя золотой молодежи, какого-нибудь юного щеголя... Но перед ним возник неотесанный невысокий парень в рваных джинсах, с длинными немытыми волосами и чуть сонным, насупленным взглядом. На вид ему было лет двадцать пять или меньше, кожа плохая, челка нависала на глаза, а губу рассекал довольно некрасивый шрам. Линус Брандель не выглядел парнем, обладавшим

интересным материалом.

– Линус Брандель, полагаю?

– Точно. Извини, что опоздал. Наткнулся на знакомую девушку. Мы вместе учились в девятом классе, и она...

– Будем считать, что с этим уже разобрались, – прервал его Микаэль и повел к столику подальше от входа.

Когда к ним, тихонько улыбаясь, подошел Амир, они заказали два бокала пива «Гиннесс» и несколько секунд просидели молча. Микаэль не мог понять, почему он так злится. На него это не похоже – вероятно, дело все-таки в драме с «Сернер». Он улыбнулся Арне с компанией, внимательно их изучавшей.

– Я перейду прямо к делу, – сказал Линус.

– Отлично.

– Ты знаешь Super Craft?

Блумквист мало знал о компьютерных играх. Но о Super Craft слышал даже он.

– Только название.

– И всё?

– Да.

– Тогда тебе неизвестно, что эту игру отличает или делает такой специфической наличие особой AI-функции^[12], благодаря которой ты можешь общаться с комбатантом на тему военной стратегии, не зная наверняка – по крайней мере, поначалу, – разговариваешь ты с реальным человеком или дигитальным созданием.

– Надо же, – произнес Микаэль. Ничто не интересовало его меньше, чем тонкости какой-то проклятой игры.

– Это маленькая революция в отрасли, и я, между прочим, участвовал в ее создании, – продолжал Линус Брандель.

– Поздравляю. Значит, ты, наверное, основательно подзаработал.

– Вот к этому я и подвожу.

– Что ты хочешь сказать?

– У нас сперли технологию, и теперь TrueGames зарабатывает миллиарды, а мы не получаем ни эре.

Эту песню Микаэлю слышать уже доводилось. Он даже разговаривал с пожилой дамой, утверждавшей, будто на самом деле книги о Гарри Поттере написала она, а Роулинг все украла путем телепатии.

– Как же это произошло? – спросил он.

– Нас хакнули.

– Откуда вы это знаете?

– Это установили эксперты Радиотехнического центра Министерства обороны; если хочешь, я могу дать тебе там одно имя, и вот, в...

Линус осекся.

– Да?

– Ничего. Замешано было даже СЭПО^[13], можешь поговорить там с Габриэлой Гране, их аналитиком; думаю, она все подтвердит. Она даже упоминает это в официальном отчете за прошлый год. У меня здесь есть номер дела...

– Значит, это старая новость.

– В общем-то, да.

– Зачем же мне тогда слушать тебя, Линус?

– Потому что Франс вернулся домой из Сан-Франциско и, похоже, понял, что произошло. Думаю, он просто сидит на пороховой бочке. Он стал маньяком безопасности. Пользуется только жутко зашифрованными телефоном и мейлом и на днях установил новую сигнализацию с камерами, сенсорами и прочим дерьмом. Я считаю, тебе следует поговорить с ним, поэтому и позвонил. Парень вроде тебя может заставить его открыться. Меня он не слушает.

– Значит, ты вызвал меня сюда, потому что некто по имени Франс, возможно, сидит на пороховой бочке?

– Не некто по имени Франс, Блумквист, а сам Франс Бальдер, разве я не сказал? Я был одним из его ассистентов.

Микаэль покопался в памяти; фамилия Бальдер связывалась у него в голове только с Ханной, актрисой, – что-то с ней теперь стало?

– Кто это? – спросил он.

Его одарили взглядом, полным такого презрения, что он был поражен.

– Ты, что, живешь на Марсе? Франс Бальдер – это легенда. Понятие.

– Правда?

– Господи, да! – продолжал Линус. – «Погугли» его, и сам увидишь. Он стал профессором компьютерных наук всего в двадцать семь лет и уже два десятилетия является ведущим мировым авторитетом в области исследования искусственного интеллекта. Едва ли кто-нибудь, кроме него, так далеко продвинулся в развитии квантовых компьютеров и нейронных сетей. Он непрерывно находит безумные, неортодоксальные решения. Обладает великолепным, повернутым задом наперед мозгом. Мыслит совершенно иначе, новаторски, и, как можешь легко догадаться, компьютерная индустрия годами его доила. Но Бальдер отказался продолжать работать на кого-то, захотел действовать в одиночку. Правда, что считать «одиночкой» – ведь у него всегда были ассистенты, из которых он выжимал все соки. Франс требует результатов, остальное его не волнует, и он идет напролом: «Ничего невозможного нет, наша работа – раздвигать границы», и так далее и тому подобное. Но народ его слушается. Для него все готовы на что угодно. Ради него можно почти что умереть. Для нас, фанатов, он просто бог.

– Это чувствуется.

– Только не подумай, что я какой-нибудь слепой поклонник. Отнюдь. Все имеет свою цену, уж мне ли не знать этого. Вместе с ним ты делаешь грандиозные вещи. Но можно и сломаться. Самому Франсу даже не доверяют сына. Он каким-то непростительным образом оскандалился, да есть и еще подобные истории... Ассистенты, которые дорабатывались до ручки и ломали себе жизни и бог знает, что еще. Но, хоть Бальдер всегда был одержимым и безнадежным, так он себя не вел еще никогда. Не был так безумно заиклен на безопасности, поэтому-то я, в частности, здесь и сижу. Мне хочется, чтобы ты с ним поговорил. Я просто уверен, что он нащупал нечто великое.

– Ты просто уверен?

– Пойми же, обычно он паранойей вовсе не страдал. Напротив, страдал ею даже слишком мало, принимая во внимание уровень того, чем занимался. А сейчас он заперся у себя в доме и почти не выходит оттуда. Похоже, боится, хотя вообще-то он далеко не из пугливых. Он, скорее, всегда был упертым типом, вечно шедшим напролом.

– И он занимался компьютерными играми? – уточнил Микаэль, не скрывая скепсиса.

– Значит, так... Франс знал, что мы все фанаты игр, и посчитал, что нам лучше работать с чем-то, что нам нравится. А его AI-программы подходили и для этой отрасли тоже. Получилась идеальная экспериментальная мастерская, и мы добились потрясающих результатов. Мы вспахали целину. Вот только...

– Ближе к делу, Линус.

– Дело в том, что Бальдер и его юристы – специалисты по патентам – написали заявление для получения патента на самые инновационные части технологии, и тут мы получили первый шок. Какой-то русский инженер из TrueGames чуть раньше сострепал заявление, заблокировавшее наш патент, и это едва ли произошло случайно. Но это не имело значения. Ведь патент в общем контексте был лишь «бумажным тигром». Нас интересовало, каким, черт возьми, образом они пронюхали о наших наработках, а поскольку мы все безоговорочно доверяли Франсу, оставалось думать только одно: несмотря на все меры предосторожности, нас, очевидно, хакнули.

– И тогда вы связались с СЭПО и Радиотехническим центром?

– Не сразу. Франс плохо переносит людей, надевающих галстуки и просиживающих на работе с девяти до пяти. Он предпочитает одержимых идиотов, торчащих за компьютером целыми ночами, и поэтому разыскал какую-то чокнутую хакершу, с которой где-то познакомился, и та сразу сказала, что имело место вторжение. Особого доверия эта девица не вызывала. К себе на фирму я бы ее не взял, если понимаешь, что я имею в виду. Возможно, она просто трепалась. Но главное, что ее выводы потом подтвердили люди из Радиотехнического центра.

– Но кто вас хакнул, осталось неизвестным?

– Нет, часто отследить хакерское вторжение невозможно. Ясно только, что это наверняка дело рук профи. Мы ведь много трудились над своей IT-безопасностью.

– А теперь ты думаешь, что Франс Бальдер узнал какие-то подробности?

– Определенно. Иначе бы он так не темнил. Я уверен, что он что-то пронюхал в «Солифоне».

– Так он там работал?

– Как ни странно, да. Раньше Франс, как я говорил, отказывался связываться с компьютерными гигантами. Он больше всех в мире разглагольствовал об отчужденности, о важности сохранять свободу и не становиться рабом коммерческих сил, и всякое такое. И вот ни с того ни с сего, когда у нас украли технологию и мы оказались в дураках, Бальдер вдруг клюнул на предложение не какой-нибудь там компании, а «Солифона», и никто ничего не понял. О'кей, они предложили гигантскую зарплату, полную свободу и все прочее дерьмо, типа «делай, что тебе заблагорассудится, но работай на нас», и возможно, это звучало круто. Безусловно круто – для кого угодно, только не для Франса Бальдера. Ведь подобные предложения он оптом и в розницу получал от «Гугл», «Эппл» и всех прочих. Почему вдруг это его так заинтересовало? Он нам не объяснил. Просто собрал свои шмотки и рванул, и, насколько я слышал, поначалу все шло прекрасно. Франс развил нашу технологию дальше, и думаю, владелец «Солифона», Николас Грант, уже начал мечтать о новых миллиардных доходах. Царило большое возбуждение. Но потом что-то произошло.

– Что-то, о чем тебе известно не слишком много...

– Да, мы утратили контакт. Франс, по большому счету, утратил контакт со всем миром. Но я не сомневаюсь, что произошло нечто серьезное. Франс всегда проповедовал открытость, говорил много теплых слов о Wisdom of Crowds^[14] и тому подобном; о важности

использования знаний многих, ну, по типу идеи создания операционных систем «Линукс». Однако в «Солифоне» он явно держал в тайне каждую запятую, даже от самых близких, а потом – бум, трах – уволился, поехал домой и теперь сидит в своем доме в Сальтшёбадене, даже в сад не выходит, и абсолютно не заботится о том, как выглядит.

– Значит, все, что у тебя есть, Линус, это история о профессоре, которого, похоже, здорово прижали, и он не заботится о своем внешнем виде. Как, кстати, соседи могут это видеть, если он не выходит из дома?

– Да, но я думаю...

– Линус, я тоже думаю, что эта история может быть интересной. Но, к сожалению, мне она не подходит. Я ведь не IT-репортер, а, как на днях кто-то мудро написал, человек каменного века. Я бы посоветовал тебе связаться с Раулем Сигвардссоном из газеты «Свенска моргонпостен». Он знает об этом мире все.

– Нет-нет, Сигвардссон обладает слишком малым весом. Это не его уровень.

– Думаю, ты его недооцениваешь.

– Да ладно, не увиливай! Это может стать твоим громким возвращением, Блумквист.

Микаэль устало махнул рукой Амиру, вытиравшему столик неподалеку от них.

– Можно я дам тебе совет? – произнес он.

– Что... да... конечно.

– Когда в следующий раз соберешься продавать материал, постарайся не объяснять репортеру, что он может для него означать. Знаешь, сколько раз мне уже доводилось слышать эту песню? «Это будет самым крупным делом в твоей жизни. Это крупнее Уотергейта!» Ты добьешься большего с помощью чуть более делового подхода, Линус.

– Я только хотел...

– Чего ты, собственно, хотел?

– Чтобы ты с ним поговорил. Думаю, ты бы ему понравился. Вы с ним оба одинаково бескомпромиссны.

Линус, казалось, мгновенно утратил уверенность в себе, и Микаэль задумался, не проявил ли он излишней жесткости. Обычно Блумквист, практически из принципа, беседовал со своими наводчиками любезно и сочувственно, какие бы дикости те ни говорили, не только потому, что даже в представлявшемся на первый взгляд безумном мог обнаружиться хороший материал, но и поскольку знал, что часто является для них последней соломинкой. Многие обращались к нему, когда все остальные переставали их слушать. Блумквист нередко бывал для людей последней надеждой, а это отнюдь не повод для насмешек.

– Послушай, – сказал он. – У меня был чудовищный день, и я вовсе не собирался проявлять сарказм.

– Все нормально.

– Вообще-то ты прав, – продолжил Микаэль. – Кое-что в этой истории меня действительно интересует. Ты упомянул, что вас посещала какая-то хакерша...

– Да, но это, по сути, никакого отношения к делу не имеет. Она скорее была каким-то социальным проектом Бальдера.

– Но она, похоже, разобралась в своем деле.

– Или оказалась права случайно... Она несла всякую чушь.

– Значит, ты с нею встречался?

– Да, сразу после того, как Бальдер свалил в Силиконовую долину.

– Как давно это было?

– Одиннадцать месяцев назад. Я перевез наши компьютеры к себе в квартиру на Брантингсгатан. Мою жизнь едва ли можно было назвать классной. Одиночка, без гроша, да еще с бодуна, дома бардак... Я как раз поговорил по телефону с Франсом, который наставлял меня, как усталый старый папаша. Я выслушал много всего: «Не суди о ней по внешнему виду и тому подобное, внешность бывает обманчива и бу-бу-бу», – и, блин, это он говорил мне! Я ведь сам далеко не мечта тещи. В жизни не носил пиджака и галстука, и уж кому, как не мне, знать, как обычно выглядит народ в хакерских кругах. Как бы то ни было, я сидел и ждал эту девицу. Думал, она хотя бы постучится. А она просто открыла дверь и вошла.

– Как она выглядела?

– Чудовищно... или, вернее, она, пожалуй, была и сексапильной тоже, каким-то противоестественным образом... Но чудовищной!

– Линус, я не просил тебя оценивать ее внешность. Мне просто хочется знать, как она была одета и не назвала ли случайно свое имя.

– Понятия не имею, кто она такая, – ответил Линус. – Правда, откуда-то я ее знал; мне подумалось, что с нею было связано нечто плохое. Татуировки, пирсинг и прочее дерьмо; по виду то ли из готик-рок-группы, то ли гот, то ли панк, и к тому же тощая, как палка.

Микаэль почти неосознанно подал Амиру знак принести ему еще пива.

– Что же произошло? – спросил он.

– Ну, как бы это сказать... Мне подумалось, что незачем сразу приступать к делу, поэтому я уселся на кровать – больше сидеть было почти не на чем – и предложил сперва чего-нибудь выпить. И знаешь, что она сделала? Попросила меня убраться. Велела мне покинуть мой собственный дом так, будто ничего естественнее и быть не могло, и я, разумеется, отказался. Выдавил что-то, типа: «Вообще-то я здесь живу». Но она сказала только: «Вали, исчезни», и я не видел другого выхода, как удалиться, и отсутствовал довольно долго. Когда я вернулся, она лежала на моей кровати и курила – рехнуться можно! – и читала книгу о теории струн или чем-то таком, и я, возможно, уставился на нее как-то подозрительно, не знаю. Она заявила, что не собирается со мною трахаться, даже на пробу. «Даже на пробу», – так и сказала и, по-моему, ни разу не посмотрела мне в глаза. Она изрекла, что в наших компьютерах побывал «троян», RAT^[15], и что рисунок вторжения ей знаком, прямо «порог оригинальности» в программировании. «Вас надули», – заключила она и ушла.

– Не попрощавшись?

– Ни черта не сказав.

– Господи, – вырвалось у Микаэля.

– Хотя, честно говоря, думаю, она больше фасонила. Парень из Радиотехнического центра, проводивший то же исследование чуть позже и, конечно, лучше разбиравшийся в атаках такого типа, твердо сказал, что подобные выводы сделать нельзя, и как он ни копался в компьютере, никакого старого вируса-шпиона не обнаружил. Тем не менее и он – его, кстати, зовут Мольде, Стефан Мольде – склонялся к тому, что мы подверглись вторжению.

– А та девица, она, что, вообще никак не представилась?

– Я к ней с этим приставал, но она лишь сказала, и то очень кисло, что я могу называть ее Пиппи^[16], но мне было совершенно ясно, что это отнюдь не настоящее имя, хотя...

– Что?

– Мне показалось, что оно ей, в каком-то смысле, подходит.

– Послушай, – сказал Микаэль. – Минуту назад я был готов уйти домой.

– Я заметил.

– Но сейчас ситуация в корне изменилась. Ты ведь говорил, что Франс Бальдер знает эту девицу?

– Ну да.

– Тогда я хочу связаться с Франсом Бальдером как можно скорее.

– Из-за девицы?

– Что-то вроде того.

– О'кей, ладно, – задумчиво произнес Линус. – Правда, найти какие-нибудь его контактные данные тебе, вероятно, не удастся – он, как я говорил, чертовски засекретился... Ты пользуешься айфоном?

– Да.

– Можешь о нем забыть. Франс считает, что компания «Эппл» более или менее продана АНБ. Чтобы разговаривать с ним, вам придется купить «Блэкфон» или хотя бы одолжить шутку с «Андроид» и скачать специальную зашифрованную программу. Но я попробую заставить его позвонить тебе, чтобы вы с ним смогли назначить встречу в каком-нибудь надежном месте.

– Супер, Линус, спасибо.

После ухода Бранделя Микаэль еще немного посидел, допивая пиво и глядя на непогоду на улице. У него за спиной над чем-то смеялись Арне с компанией. Но Блумквист был настолько глубоко погружен в мысли, что ничего не слышал и даже почти не обратил внимания на то, что Амир присел возле него и начал излагать последний прогноз.

Погода явно ожидалась просто безумная. Температура опустится до минус десяти. Выпадет первый в году снег, причем не мягко и приятно. Метель будет налетать порывами, в горизонтальном направлении, и выльется в самую жуткую бурю за все последнее время.

– Вероятны ураганные ветры, – сказал Амир.

– Как хорошо, – кратко ответил по-прежнему не слушавший его Микаэль.

– Хорошо?

– Да... что... во всяком случае, лучше такая погода, чем никакой.

– Действительно. Но что с тобой? У тебя совершенно потрясенный вид. Встреча получилась неудачной?

– Да нет, вполне нормальной.

– Но ты все-таки услышал нечто, что тебя взбудоражило?

– Даже не знаю. Просто сейчас у меня все несколько сумбурно... Я подумываю, не уйти ли из «Миллениума».

– Я думал, ты с этим журналом – единое целое...

– Я тоже так думал. Но подозреваю, что всему свое время.

– Пожалуй, так, – согласился Амир. – Мой старый отец обычно говорил, что даже у вечного есть свое время.

– И что он под этим подразумевал?

– Думаю, вечную любовь. Вскоре после этого он оставил мою мать.

Микаэль фыркнул.

– Ну что ж. У меня у самого не слишком получалось с вечной любовью. Зато...

– Да, Микаэль?

– Есть женщина, которую я когда-то знал, но она уже довольно давно исчезла из моей жизни.

– Тяжело.

– Да, это особый случай. Но сейчас она вдруг дала о себе знать – по крайней мере, я так думаю, – и, возможно, поэтому у меня такой странный вид.

– Понимаю.

– Ну ладно, подозреваю, что мне пора домой. Сколько я должен?

– Разберемся позже.

– Отлично, береги себя, Амир, – сказал Блумквист, прошел мимо завсегдатаев, отпустив несколько новых спонтанных комментариев, и шагнул навстречу буре.

Ощущение было почти убийственным. Порывы ветра пронизывали все тело, но, невзирая на непогоду, Микаэль немного постоял на месте, поглощенный старыми воспоминаниями, а потом медленно побрел домой и почему-то никак не мог отпереть дверь. Пришлось изрядно повозиться с ключом. Дома он скинул ботинки, уселся за компьютер и принялся искать информацию о профессоре Франсе Бальдере.

Но сосредоточиться никак не удавалось, и вместо этого он уже далеко не в первый раз задался вопросом: куда подевалась Лисбет? Помимо сведений, полученных от ее бывшего работодателя Драгана Арманского, Микаэль не слышал о ней ни слова. Она словно сквозь землю провалилась, и хотя они жили, по большому счету, в одном квартале, он даже мельком ее не видел, и, вероятно, поэтому на него так подействовали слова Линуса.

В принципе у Бранделя в тот день мог возникнуть кто-то другой. Возможно, но маловероятно. Кто, кроме Лисбет Саландер, вваливается к людям, даже не глядя им в глаза, выставляет их из дому, проникает в самые глубинные тайны их компьютеров и выпаливает вещи вроде: «Я не собираюсь с тобой трахаться, даже на пробу»? Наверняка это Лисбет. И Пиппи – разве это для нее не типично?

На дверях ее квартиры на Фискарсгатан значилось: «В-кулла»^[17], и Блумквист прекрасно понимал, почему она не пользуется своим настоящим именем: оно вызывало слишком большой интерес и ассоциировалось с большими драмами и дикостями. Где же она теперь? Вообще-то, эта девушка уже не впервые растворяется в воздухе. С того самого дня, когда он пришел к ней в квартиру на Лундагатан и выругал ее за то, что она написала слишком подробный отчет о его личных обстоятельствах, они никогда не расставались так надолго, и это казалось ему несколько странным. Ведь Лисбет все-таки его... да кто, черт возьми?

Едва ли друг. С друзьями он встречается. Друзья просто так не исчезают. Друзья не дают о себе знать только тем, что вламываются в ваши компьютеры. Однако Микаэль был неразрывно связан с Лисбет и, прежде всего – этого нельзя отрицать, – волновался за нее. Правда, ее бывший опекун Хольгер Пальмгрен обычно говорил, что Лисбет умеет справляться с любой ситуацией. Несмотря на ее кошмарное детство – или, возможно, благодаря ему, – она обладает дьявольской способностью к выживанию, и в этом наверняка что-то есть.

Но в отношении девушки с ее прошлым и ее умением наживать себе врагов уверенным ни в чем быть нельзя. Возможно, она действительно сбилась с пути, как намекал Драган Арманский, когда они с Микаэлем вместе пообедали в «Гондоле» года полтора назад. Дело было весной, в субботу, и Драган настоял на том, чтобы самому заплатить за пиво, шнапс и все прочее. У Блумквиста возникло ощущение, что Арманскому требуется выговориться, и

хотя официально они просто встречались, как старые друзья, не было никакого сомнения в том, что на самом деле Драгану хотелось поговорить о Лисбет и с помощью нескольких бокалов предаться некоторой сентиментальности.

Арманский рассказал, в частности, что его фирма «Милтон секьюрити» поставила аппаратуру для тревожной предупредительной сигнализации в дом престарелых в Хёгдалене – хорошую аппаратуру, как он сказал. Но она не помогает, если нарушается энергоснабжение, и никто не заботится о том, чтобы принять меры, а вышло именно так. Поздно вечером в доме отключилось электричество, и ночью пожилая дама по имени Рут Окерман упала и сломала шейку бедра, после чего час за часом, лежа, нажимала на тревожную кнопку без всякого толку. Утром состояние Рут было близким к критическому, и поскольку газеты как раз в то время сосредоточились на целом ряде проблем и халатности в сфере ухода за престарелыми, происшествие получило широкую огласку.

К счастью, Рут выжила. Но по неудачному стечению обстоятельств она оказалась матерью одного из влиятельных лиц в партии «Шведские демократы»^[18], и когда на сайте партии Avriklat – «Без пикселей» – появилась информация о том, что Арманский араб – что отнюдь не соответствовало действительности, хотя его и вправду иногда называли Арабом, – отведенные для комментариев места буквально взорвались. Сотни анонимных авторов писали, что так происходит, «когда технику нам поставляют иммигранты», и Арманский очень расстроился, особенно потому, что грубые оскорбления сыпались и в адрес его старой матери.

Но вдруг все эти авторы, словно по взмаху волшебной палочки, перестали быть анонимными. У каждого появилось точное имя, адрес, место работы и указание, сколько ему лет. Выглядело очень красиво – будто они дружно заполнили некий формуляр. Можно сказать, что весь сайт оказался без пикселей, и выяснилось, разумеется, что среди авторов были не только асоциальные поборники справедливости, но и многие весьма благополучные граждане, а также несколько конкурентов Арманского из отрасли обеспечения безопасности. Ответственные за сайт долго были совершенно бессильны и ничего не понимали. Они только рвали на себе волосы, пока, наконец, не сумели ликвидировать эту страницу, и поклялись отомстить виновным. На том все, конечно, и закончилось; никто не знал, кто стоит за хакерской атакой, – никто, кроме самого Драгана Арманского.

– Это ведь была классическая выходка Лисбет, – сказал он, – а я, ясное дело, был заинтересованной стороной. Мне не хватило великодушия, чтобы пожалеть всех выставленных напоказ, сколько бы я, по роду профессии, ни пекся об IT-безопасности. Знаешь, я ведь целую вечность от нее ничего не слышал и ничуть не сомневался в том, что ей на меня просто наплевать; впрочем, ей плевать и на всех остальных. Но вот произошел этот случай, и мне было очень приятно. Она прямо возникла у меня перед глазами. Я отправил по электронной почте слова безграничной благодарности – и, к своему удивлению, получил ответ. Знаешь, что она написала?

– Нет.

– Только одно предложение: «Как, черт возьми, вы можете защищать эту сволочь Сандвалья из Эстермальмской клиники?»

– Кто такой Сандваль?

– Пластический хирург, которому мы предоставили личную охрану, поскольку ему стали угрожать, когда вскрылось, что он лапал молодую эстонку, делавшую у него операцию на груди. Эстонка оказалась девушкой криминального авторитета.

– Ничего себе...

– Именно, не слишком-то умно, и поэтому я ответил Лисбет, что тоже не отношу Сандваля к лучшим чадам божьим. Я даже знал, что он не таков. Но попытался подчеркнуть, что мы не можем оценивать клиентов с такой точки зрения и защищать исключительно безупречных в моральном отношении. Даже безобразно относящиеся к женскому полу мужчины имеют право на определенную безопасность, а поскольку Сандвалю серьезно угрожали и он обратился к нам за помощью, мы ему ее оказали – правда, по двойной таксе. Только и всего.

– Но Лисбет такое рассуждение не устроило?

– Во всяком случае, она не ответила – по крайней мере, по электронной почте. Но, можно сказать, подала реплику иным образом.

– И как это выглядело?

– Она решительно подошла к нашим охранникам в клинике и велела им не беспокоиться. Думаю, она даже передала им привет от меня. Затем, минуя пациентов, сестер и докторов, направилась прямо в кабинет Сандваля, сломала ему три пальца и пригрозила еще более страшным.

– О, Господи!

– Это самое меньшее, что можно сказать. Полный идиотизм. Я имею в виду, поступить так в присутствии многих свидетелей, да еще в кабинете врача...

– Да, не слишком умно.

– Разумеется, потом поднялся страшный шум, и начали кричать о привлечении к суду, обвинениях и всякой чертовщине. Сам посуди: сломать пальцы хирургу, обязавшемуся сделать множество дорогостоящих подтяжек, разрезов и прочего дерьма... От такого лучшим адвокатам начнут повсюду мерещиться долларовые купюры.

– И что же произошло?

– Ничего. Вообще ничего, и это, пожалуй, самое странное. Дело ушло в песок – вероятно, потому, что хирург сам не захотел давать ему ход. Но тем не менее, Микаэль, это было чистейшее безумие. Ни один человек в здравом уме не заходит среди бела дня в медицинский кабинет и не ломает пальцы врачу. Даже Лисбет Саландер в нормальном состоянии так не поступает.

Блумквиста подобный анализ, вообще-то, до конца не убедил. Ему это показалось скорее довольно логичным, в духе логики Лисбет, а уж в данном вопросе он был более или менее экспертом. Микаэль лучше всех знал, насколько рационально мыслит эта женщина – рационально не в общем понимании, а исходя из установленных ею основных предпосылок, – и он ни на секунду не усомнился в том, что этот врач совершил нечто куда худшее, чем посягательство на девушку не того человека. Тем не менее Микаэль не мог не задуматься над тем, не изменила ли Лисбет выдержка, хотя бы в анализе риска.

Ему даже приходила в голову мысль, что ей *хочется* опять попасть в передрыгу – возможно, из некоего представления, что это сможет снова вернуть ее к жизни. Впрочем, это было наверняка несправедливым. Что ему известно о ее побудительных мотивах? Он ведь абсолютно ничего не знал о ее теперешней жизни; и пока за окнами бушевала буря, Блумквист, занимаясь поисками информации о Франсе Бальдере, пытался видеть светлую сторону в том, что они хотя бы тут косвенно соприкоснулись. Все-таки лучше, чем ничего, и он решил, что следует радоваться тому, что Лисбет верна себе. Она, похоже, ничуть не изменилась и, как знать, возможно, снабдила его материалом. Линус его почему-то с первого

мгновения раздражал, и Микаэль, вероятно, наплевал бы на это дело, хоть тот и подбросил ему нечто полусенсационное. Но когда в рассказе Линуса возникла Лисбет, Блумквист начал смотреть на все другими глазами.

С интеллектом у нее все в порядке, и если она сочла нужным потратить на эту историю время, то, пожалуй, и у него есть причины в нее углубиться. Он может, по крайней мере, немного покопаться в этом деле и, если чуть-чуть повезет, вдобавок узнать что-нибудь о Лисбет, поскольку тут уже в изначальном раскладе присутствует вопрос на миллион.

Почему она вообще стала вмешиваться?

Лисбет ведь отнюдь не консультант из компьютерной «скорой помощи», но ее, правда, могут выводить из себя творящиеся несправедливости. Она способна кинуться вершить собственный суд. Однако чтобы женщину, которая может беззастенчиво вломиться в любой компьютер, возмутило хакерское вторжение, это все же несколько удивительно. Сломать пальцы хирургу – ну, еще ладно; но включиться в борьбу с незаконными действиями хакеров – это все равно что рубить сук, на котором сидишь. С другой стороны, ему ничего не известно.

Вероятно, тут имеется предыстория. Возможно, они с Бальдером друзья или заядлые спорщики... Решив, что это не исключено, Микаэль попробовал «погуглить» их имена вместе, но без сколько-нибудь существенного результата, и стал просто смотреть на метель, думая о татуировке дракона на худенькой бледной спине, о резком похолодании в Хедестаде и разрытой могиле в Госсеберге.

Затем Блумквист продолжил искать на Франса Бальдера, и тут уже недостатка в материале для чтения не было. На имя профессора выскочило два миллиона ответов, однако составить представление о его биографии оказалось нелегко. Тут в основном присутствовали научные статьи и комментарии, а вот интервью Франс Бальдер, похоже, не давал вообще. Поэтому все факты его жизни носили какой-то мифологический отпечаток – словно бы раздутые и романтизированные восхищенными студентами.

Там значилось, что в детстве Франса считали более или менее умственно отсталым до тех пор, пока он не пришел к директору своей школы на Экерё^[19] и не указал на ошибку в учебниках математики для девятого класса, касающуюся так называемых мнимых чисел. Впоследствии исправление внесли в новые издания, а Франс следующей весной выиграл национальную олимпиаду по математике. Утверждалось, что он способен говорить задом наперед, создавая собственные длинные палиндромы. В одном из ранних школьных сочинений, которое опубликовали в Интернете, Бальдер выступил с критикой романа Герберта Уэллса «Война миров», поскольку не понимал, как превосходящие нас во всем существа не разбирались в таких основополагающих вещах, как различия между Марсом и Землей в бактериальной флоре.

После гимназии Франс изучал компьютерные науки в Империял-колледже, в Лондоне, и защитил диссертацию об алгоритмах в нейронной сети, которую признали эпохальной. Затем стал рекордно молодым профессором Стокгольмского технологического института и членом Королевской академии инженерных наук. На сегодняшний день Бальдер считался ведущим мировым авторитетом в области гипотетического понятия «технологическая сингулярность», состояния, когда интеллект компьютеров превзойдет наш собственный.

Внешней привлекательностью или шармом Франс не отличался. На всех фотографиях он походил на неухоженного тролля с маленькими глазками и торчащими во все стороны волосами. Тем не менее ученый женился на очаровательной актрисе Ханне Линд, позднее

Бальдер. У пары родился сын, который, согласно репортажу в вечерней газете, озаглавленному «Великое горе Ханны», страдал тяжелыми умственными расстройствами, хотя мальчик – по крайней мере, на фотографии в статье – отнюдь не выглядел умственно отсталым.

Брак распался, и перед судом, рассматривавшим бурную тяжбу об опеке, в драму вмешался анфан террибль театра, Лассе Вестман, агрессивно заявивший, что Бальдеру вообще нельзя доверять ребенка, поскольку его больше волнуют «интеллектуальные способности компьютеров, а не детей». Однако дальше углубляться в проблематику развода Микаэль не стал, а попытался разобраться в исследованиях Бальдера и судебных процессах, в которых тот участвовал, и еще долго сидел, погрузившись в витиеватое рассуждение о квантовых процессорах в компьютерах.

Потом Блумквист зашел в свои документы и открыл файл, созданный около года назад. Файл назывался «ящик Лисбет». Микаэль понятия не имел, залезала ли она по-прежнему к нему в компьютер и продолжала ли интересоваться его журналистской деятельностью. В глубине души он на это надеялся и сейчас задумался, не стоит ли все-таки послать ей привет. Правда, возникла проблема: что писать?

Длинные письма личного характера не для нее – они бы ее только смутили. Скорее надо попробовать сочинить что-то краткое и чуть загадочное. Он остановился на вопросе:

Что нам думать об искусственном интеллекте Франса Бальдера?

Затем встал и снова посмотрел на снежную бурю за окном.

20 ноября

Эдвин Нидхэм, или Эд-Кастет, как его иногда называли, не являлся самым высокооплачиваемым в США специалистом по обеспечению безопасности. Зато, возможно, был лучшим и самым гордым. Его отец Сэмми был негодяем милостью Божией, пьющим сорвиголовой, иногда подрабатывавшим в порту, но частенько отправлявшимся в безрассудные загулы, которые нередко заканчивались в следственном изоляторе или в травмпункте, что, разумеется, никого не радовало.

Тем не менее пьяные загулы Сэмми бывали для семьи лучшим временем. Когда он где-нибудь напивался, у них иногда образовывалась передышка, в которую мать Рита могла прижать обоих детей к себе и сказать, что все у них будет хорошо. А вообще-то, дела у них дома обстояли из рук вон плохо. Семья жила в районе Дорчестер, в Бостоне, и когда отец изволил присутствовать дома, то нередко сильно избивал Риту, и той приходилось часами, а иногда и целыми днями сидеть, запершись в туалете, и рыдать.

В худшие периоды ее рвало кровью, и никто особенно не удивился, когда она умерла всего в сорок шесть лет от внутренних кровотечений или когда старшая сестра Эда подседа на кокаин, и еще меньше, когда отец с детьми потом оказался на грани бездомного существования.

Детство Эда располагало к разным заморочкам в дальнейшей жизни, и в подростковые годы он входил в компанию, именовавшую себя «The F...kers»^[20], державшую весь Дорчестер в страхе и занимавшуюся разборками с другими бандами и грабежами продуктовых магазинов. Лучшего друга Эда, парня по имени Даниэль Готфрид, убили, повесив на крюк для мяса и зарубив мачете. В подростковые годы Эд стоял на краю пропасти.

Его внешность рано приобрела налет туповатости и брутальности, что лишь усугублялось отсутствием двух верхних зубов и тем, что он никогда не улыбался. Эд был крепкого телосложения, высоким и бесстрашным, и на его лице, как правило, имелись следы драк – либо от схваток с отцом, либо от разборок между группировками. В школе большинство учителей боялись Эда до смерти. Все были уверены, что он кончит тюрьмой или простреленной головой. Однако нашлись взрослые, которые взялись за него – вероятно, обнаружив, что в его горящих голубых глазах присутствуют не только агрессия и насилие.

Эд обладал неукротимой жаждой открытий, энергией, благодаря которой он набрасывался на книги с такой же мощью, с какой крушил салоны автобусов. Днем он часто не торопился уходить домой, а предпочитал задержаться в школе, в так называемом техническом кабинете, где стояли несколько персональных компьютеров, за которыми он просиживал час за часом. Учитель физики с звучащей на шведский манер фамилией Ларсон заметил у Эда способности к работе с оборудованием, и после обследования, проведенного с участием социальных служб, тому дали стипендию и возможность перейти в школу с более мотивированными учащимися.

Эд начал блистать в учебе, получал все новые стипендии и награды и в конце концов, что было небольшим чудом, принимая во внимание его исходные обстоятельства, поступил учиться в МИТ – Массачусетский институт технологий, на специальность «Электротехника и компьютерные науки». Он написал докторскую диссертацию о некоторых специфических

опасениях в отношении таких новых асимметрических криптосистем, как RSA^[21], далее занимал высокие должности в «Майкрософт» и «Диско», а под конец его взяли на работу в Агентство национальной безопасности, АНБ, в Форт-Миде, штат Мэриленд.

Резюме Эда, вообще-то, не отличалось полной безупречностью, причем не только из-за криминальных действий в подростковые годы. В колледже он покуривал травку и проявлял склонность к социалистическим или даже анархистским идеалам, и во взрослом возрасте тоже два раза попадал в изолятор за избиения – дрался он в основном в кабаках, ничего особенного. Характер у него оставался агрессивным, и все, кто его знал, предпочитали с ним не ссориться. Однако в АНБ видели другие его качества, да и дело было осенью 2001 года. Американские разведывательные службы настолько остро нуждались в компьютерщиках, что принимали на работу, по большому счету, кого угодно, и в последующие годы никто не ставил под сомнение лояльность или патриотизм Эда, а если кто-то все же пытался, то его плюсы всегда перевешивали.

Эд обладал не только ярким талантом. Присущие его характеру одержимость, маниакальная аккуратность и невероятная эффективность как нельзя лучше подходили для человека, которого посадили защищать IT-безопасность в самом секретном из американских ведомств. Не допустить, чтобы какой-нибудь гад взломал его системы, стало для Эда вопросом чести, и он быстро сделался в Форт-Миде незаменимым, к нему постоянно стояли в очередь за консультациями. Многие продолжали до смерти его бояться, а он частенько крепко ругал сотрудников, не думая о последствиях. Даже самого руководителя АНБ, легендарного адмирала Чарльза О'Коннора он как-то попросил убираться к черту.

– Употреби свою проклятую занятую башку на то, в чем разбираешься! – рявкнул Эд, когда адмирал попытался высказать свои соображения по поводу его работы.

Но Чарльз О'Коннор и все остальные смотрели на это сквозь пальцы. Они знали, что Эд кричит и ругается по веской причине – потому что люди пренебрегают правилами безопасности или рассуждают о вещах, в которых ничего не понимают. Зато в остальную деятельность шпионской организации Нидхэм никогда не вмешивался, хотя в силу своих полномочий имел доступ почти ко всему, и невзирая на то, что в последние годы ведомство находилось в центре бурных дискуссий, в которых представители как правых, так и левых рассматривали АНБ как дьявола собственной персоной, как инкарнацию Старшего Брата Оруэлла. Но Эд считал, что организация может заниматься, чем ей заблагорассудится, лишь бы его системы безопасности оставались надежны и неприкосновенны, и поскольку семьей он еще не обзавелся, то жил более или менее в офисе.

Нидхэм был силой, на которую полагались, и хотя, конечно, он сам неоднократно подвергался проверке личности, против него никогда ничего не находилось, за исключением нескольких крупных пьянок, при которых он в последнее время становился настолько сентиментальным и начинал говорить о том, через что ему довелось пройти. Правда, даже тогда не наблюдалось никаких признаков того, чтобы он рассказывал посторонним, с чем работает. Находясь в другом мире, Эд молчал, как мидия, и если кто-то вдруг начинал на него давить, он всегда придерживался заученной лжи, которую подтверждали Интернет и компьютерные базы данных.

По служебной лестнице он поднялся не по воле случая, не в результате интриг или закулисных игр, и, став шефом службы безопасности Штаб-квартиры, перевернул все вверх дном, «чтобы никакие новые правдоискатели не смогли опять высунуться и надавать нам по морде». Эд и его команда усилили все аспекты системы внутреннего наблюдения и за

бесконечные бессонные ночи создали то, что он попеременно именовал «непробиваемой стеной» и «маленькой разъяренной ищейкой».

– Ни один гад сюда не проникнет, и ни один гад не сможет тут копать без разрешения, – говорил он с невероятной гордостью.

Гордиться Нидхэм продолжал вплоть до того проклятого ноябрьского утра. День выдался хороший, безоблачный. В Мэриленде не ощущалось никаких признаков накрывшей Европу адской непогоды. Народ вокруг ходил в рубашках и тонких ветровках, а Эд, у которого с годами изрядно округлился живот, характерной раскачивающейся походкой возвращался от кофейного автомата.

В силу своего положения на дресс-коды он внимания не обращал – носил джинсы и красную клетчатую рубашку навыпуск, не слишком обтягивающую в талии. Усаживаясь за компьютер, Эд вздохнул. Самочувствие у него было не из лучших. Болели спина и правое колено, и он проклинал коллегу – бывшего копа ФБР, откровенную и весьма очаровательную лесбиянку Алону Касалес, которой удалось два дня назад выманить его на пробежку, вероятно, из чистого садизма.

К счастью, ничем особенно срочным ему заниматься не требовалось. Надо было только отправить ответственным за COST – программу сотрудничества с крупными IT-концернами – памятку для внутреннего пользования с чуть измененными инструкциями. Однако особенно продвинуться ему не удалось. Он успел лишь написать в привычном резковатом стиле: *«Чтобы ни у кого не возникало соблазна снова превратиться в идиотов и все оставались добропорядочными чокнутыми киберагентами, я хочу подчеркнуть...»*, когда его прервал один из алертов, сигналов тревоги.

Эд не слишком заволновался. Его предупредительные системы были настолько чувствительными, что реагировали на малейшее отклонение в информационном потоке. Наверняка просто маленькая аномалия, возможно, знак того, что кто-то пытается превысить свои полномочия, или что-нибудь в этом роде, какая-то помеха.

Но ничего проверить он не успел. В следующее мгновение произошло нечто настолько ужасное, что в течение нескольких секунд Эд отказывался в это верить. Он просто сидел, уставившись в экран. Тем не менее Нидхэм точно знал, что случилось. Во всяком случае, знал той частью мозга, которая еще сохраняла способность трезво мыслить. В их внутренней сети, NSANet, появился RAT. Будь он в любом другом месте, Эд подумал бы: «Мерзавцы, я их уничтожу». Но здесь, в самой закрытой и контролируемой сети, которую он со своей командой только за последний год тщательнейшим образом изучал семь тысяч одиннадцать раз, чтобы отследить малейшую уязвимость, здесь – нет-нет, это невозможно, просто исключено.

Сам того не сознавая, Нидхэм закрыл глаза, точно в надежде, что стоит их подольше не открывать, как все исчезнет. Но когда он вновь посмотрел на экран, его начатое предложение оказалось законченным. Его *«...я хочу подчеркнуть...»* теперь само по себе продолжилось словами: *«...что вы должны прекратить заниматься беззаконием, а это ведь, на самом деле, очень просто. Тот, кто наблюдает за народом, в конце концов сам оказывается под наблюдением народа. В этом есть фундаментальная демократическая логика»*.

– Проклятье, проклятье, – пробормотал он, проявляя тем самым признак того, что потихоньку приходит в себя.

Но текст продолжился: *«Не возмущайся, Эд. Давай-ка лучше прогуляемся. У меня Root»*^[22], – и тут Нидхэм громко закричал. Слово *Root* нанесло сокрушительный удар по

всему его существу, и в течение какой-то минуты, пока компьютер молниеносно пронесся по самым секретным частям системы, Эд всерьез думал, что его хватит инфаркт. Он лишь заметил, словно в тумане, что вокруг него начал собираться народ.

Ханне Бальдер следовало сходить в магазин. В холодильнике не было ни пива, ни сколько-нибудь нормальной еды. Кроме того, Лассе мог вернуться домой в любой момент, а он едва ли обрадуется, если не получит даже пива. Но погода казалась совершенно удручающей, и, оттягивая выход, Ханна сидела на кухне, курила – хотя это было вредно для ее кожи, и вообще вредно – и пересматривала содержимое своего телефона.

Дважды или трижды она прошлась по телефонной книжке в надежде, что там всплывет какое-нибудь новое имя. Но, естественно, ничего не обнаружила. Там присутствовали только все те же, уже уставшие от нее люди, и, вопреки здравому смыслу, она позвонила Мийе. Мийа была ее агентом, и когда-то они были лучшими подругами, мечтавшими о совместном завоевании мира. Теперь же Ханна стала для Мийи в основном муками совести, и она даже не знала, сколько извинений и ни к чему не обязывающих слов ей за последнее время довелось от нее выслушать. «Женщине-актрисе очень нелегко стареть, ля-ля-ля...» Это было невыносимо. Почему прямо не сказать: «У тебя потрепанный вид, Ханна, публика тебя больше не любит»?

Мийа, разумеется, не ответила – ну и хорошо, ни одной из них разговор все равно удовольствия бы не доставил. Ханна не удержалась и заглянула в комнату Августа, только чтобы ощутить прилив тоски, заставлявшей ее прочувствовать, что она лишилась важнейшего дела жизни – материнства, и, как ни парадоксально, это придало ей немного сил. Каким-то извращенным образом жалость к себе приносила ей утешение, и она уже было задумалась, не сходить ли все-таки за пивом, как зазвонил телефон.

Увидев на дисплее имя Франса, женщина еще чуть больше скривилась. Она весь день собиралась – но не решилась – позвонить ему и сказать, что хочет вернуть Августа. Не просто потому, что тоскует без сына, и – тем более – не из-за того, что думает, будто для него будет лучше жить у них. А чтобы избежать катастрофы, только и всего.

Лассе хочет забрать парня домой, чтобы снова получать алименты, и бог знает, думала Ханна, что может случиться, если он явится в Сальтшёбаден и начнет отстаивать свое право. Возможно, силой вытащит Августа из дома, напугав его до безумия, и изобьет Франса. Ей надо заставить бывшего понять это. Но когда она ответила на звонок и попыталась изложить свое дело, разговаривать с Франсом оказалось вообще невозможно. Он кинулся взхлеб рассказывать какую-то странную историю, явно представлявшуюся ему «просто потрясающей и совершенно уникальной» и тому подобное.

– Франс, извини, я не понимаю. О чем ты говоришь? – спросила она.

– Август – савант. Он гений.

– Ты сошел с ума?

– Напротив, дорогая, я наконец поумнел. Ты должна приехать сюда, да, и немедленно! Думаю, это единственный способ. Иначе ты не поймешь. Такси я оплачу. Обещаю, ты упадешь в обморок. Представляешь, у него, вероятно, фотографическая память, и он каким-то непостижимым образом самостоятельно освоил все тайны изображения перспективы. Это так красиво, Ханна, так точно! Он светится, словно сияние из другого мира.

– Что светится?

– Огонь его светофора. Ты, что, не слушала? Светофора, мимо которого мы проходили

накануне вечером и который Августу сейчас удалось несколько раз идеально изобразить, даже больше, чем идеально...

– Больше, чем...

– Ну, как бы это сказать? Он не просто скопировал, Ханна, не просто точно поймал светофор, а привнес некое художественное измерение. В его работе присутствует такое удивительное сияние и, как ни парадоксально, еще нечто математическое, словно он разбирается даже в аксонометрии.

– Аксо...

– Пустяки, Ханна! Ты должна приехать и посмотреть, – настаивал он, и она постепенно начала понимать.

Август внезапно и без предупреждения начал рисовать, как виртуоз – по крайней мере, по утверждению Франса, – и было бы, разумеется, здорово, окажись это правдой. Но Ханна, как это ни печально, не обрадовалась и поначалу не поняла, почему. Потом догадалась. Потому что это случилось у Франса. Здесь, у них с Лассе, мальчик жил годами, и вообще ничего не происходило. Здесь он просто сидел со своими пазлами и кубиками, не произнося ни слова, и только страдал отвратительными припадками да кричал душераздирающим голосом и метался в разные стороны – и вот, пожалуйста, несколько недель у отца, и его уже называют гением...

Это просто чересчур. Не то чтобы Ханна не радовалась за мальчика, но ее это все равно огорчало. И самое ужасное: она не так уж сильно удивилась. Не качала головой, бормоча: «Невероятно, невероятно»... Напротив, она, казалось, предчувствовала – не именно то, что сын станет идеально изображать светофоры, но что за внешними проявлениями у него скрывается нечто большее.

Ханна читала это в его глазах, во взгляде, который иногда в минуты сильного волнения, казалось, регистрировал мельчайшие детали вокруг. Она угадывала это по тому, как мальчик слушал школьных учителей, как нервно перелистывал купленные ею учебники математики, и прежде всего: по его цифрам. Ничего более странного, чем его цифры, ей видеть не доводилось. Он мог час за часом записывать бесконечные серии непостижимо больших чисел, и Ханна действительно пыталась их понять или, по крайней мере, уловить в них какой-то смысл. Но, как она ни старалась, разобраться ей так и не удалось, и сейчас она догадывалась, что упустила в этих числах нечто важное. Наверное, она была слишком несчастна и слишком занята собой для того, чтобы понимать, что творится в мыслях сына?

– Я не знаю, – произнесла Ханна.

– Не знаешь что? – раздраженно уточнил Франс.

– Не знаю, смогу ли я приехать, – продолжила она и в тот же миг услышала возню у входной двери.

Лассе прибыл вместе со своим старым собутыльником Рогером Винтером, что заставило Ханну испуганно попятиться, пробормотать Франсу слова извинения и в тысячный раз подумать, что она плохая мать.

Франс выругался, стоя с телефоном в руках посреди спальни, на полу в шахматную клетку. Выложить пол таким образом он велел, потому что этот рисунок отвечал его чувству математического порядка, а также поскольку шахматные клетки размножились до бесконечности в зеркалах платяных шкафов, стоявших по обе стороны кровати. Бывали дни, когда он рассматривал удвоение клеток в зеркалах как расползающуюся загадку, как нечто

почти живое, возникающее из схематичности и регулярности, подобно тому как из нейронов мозга рождаются мысли и мечты или из бинарных кодов компьютерные программы. Но в данную минуту его полностью занимали мысли иного рода.

– Солнышко, что случилось с твоей мамой? – проговорил он.

Август, который сидел на полу рядом с ним и ел бутерброд с сыром и соленым огурцом, посмотрел на отца сосредоточенным взглядом, и у того возникло странное предчувствие, что сын вот-вот скажет нечто взрослое и разумное. Но это, конечно, была глупость. Август говорил не больше, чем всегда, и ничего не знал об опустившихся и потухших женщинах, и то, что Франсу вообще могло взбрести в голову нечто подобное, естественно, объяснялось рисунками.

Рисунки – к этому времени их стало уже три – временами представлялись ему доказательством не только художественного и математического таланта, но и какой-то особой мудрости. Они казались настолько зрелыми и сложными по геометрической точности, что никак не сочетались у Франса с образом Августа как умственно отсталого ребенка. Или, вернее, так: ему не хотелось, чтобы сочетались, поскольку он, естественно, уже давно догадался, в чем дело, и не только потому, что в свое время смотрел «Человека дождя»^[23].

Будучи отцом мальчика-аутиста, Бальдер, конечно, рано столкнулся с понятием «савант», описывающим людей с тяжелыми когнитивными недостатками, но тем не менее обладающих блестящими способностями в ограниченных областях, талантами, которые тем или иным образом включают потрясающую память и умение видеть мельчайшие детали. Франс изначально догадывался, что при таком диагнозе многие родители надеются на это как на утешительный приз. Но обстоятельства часто оказываются против них.

Согласно приблизительным оценкам, только один из десяти детей-аутистов наделен синдромом саванта, причем чаще всего он проявляется не в таких феноменальных талантах, как у Человека дождя из фильма. Существуют, например, аутисты, способные сказать, на какой день недели приходилась определенная дата во временном промежутке в несколько сотен лет – ну, в исключительных случаях в рамках сорока тысяч лет. Другие обладают энциклопедическими знаниями в узкой сфере, типа расписаний автобусов или телефонных номеров. Некоторые могут складывать в уме большие числа или точно помнят, какая погода была в каждый день их жизни, или способны с точностью до секунды определить время, не глядя на часы. Существует целый ряд более или менее странных талантов, и, насколько понимал Франс, людей, обладающих подобными качествами, называют талантливыми савантами, людьми, которые наделены чем-то уникальным, принимая во внимание их отклонения в развитии.

Далее имелась другая группа, гораздо более редкая, и Франсу хотелось верить, что Август принадлежит именно к ней. К так называемым гениальным савантам – личностям, чьи таланты, при всех условиях, сенсационны. Взять, например, недавно умершего от инфаркта Кима Пика. Ким не мог самостоятельно одеться и страдал тяжелыми умственными нарушениями. Тем не менее он хранил в памяти содержание двенадцати тысяч книг и мог молниеносно ответить на любой фактический вопрос. Он был словно живая компьютерная база данных. Его называли Кимпьютер.

Еще были музыканты, например, Лесли Лемке – слепой, умственно отсталый человек, который в шестнадцать лет однажды встал посреди ночи и, не учась и не упражняясь, блестяще сыграл Первый фортепианный концерт Чайковского после того, как лишь раз

услышал его по телевизору. Но прежде всего, существовали такие парни, как Стивен Уилтшир – английский мальчик-аутист, который в детстве отличался крайней формой отсталости и произнес первое слово только в шесть лет, причем им оказалось слово «бумага».

Лет в восемь-десять Стивен мог, лишь бегло взглянув на большой архитектурный комплекс, идеально начертить его в мельчайших деталях. Однажды он летел над Лондоном на вертолете, глядя вниз на дома и улицы. Оказавшись на земле, мальчик нарисовал потрясающую, пеструю панораму всего города. При этом он отнюдь не просто копировал. В его работах рано проявилось удивительное своеобразие, и сейчас его считают во всех отношениях большим художником.

Да, есть такие, как он, – и именно мальчики! На шесть савантов встречается только одна девочка, что, вероятно, связано с одной из основных причин аутизма – циркуляцией слишком больших количеств тестостерона в матке; прежде всего, естественно, при вынашивании мальчиков. Тестостерон может повредить мозговую ткань эмбриона, и почти всегда страдает левое полушарие, поскольку оно развивается медленнее и более уязвимо. Синдром саванта является компенсацией правого полушария головного мозга за повреждения в левом.

Однако из-за того, что полушария отличаются друг от друга – левое полушарие отвечает за абстрактное мышление и способность видеть более широкий контекст, – результат оказывается все-таки своеобразным. Возникает некая новая перспектива, особый тип фиксации деталей, и если Франс все понял правильно, то они с Августом видели тот светофор совершенно по-разному. Не только потому, что мальчик был явно гораздо больше сконцентрирован, но и поскольку мозг Франса молниеносно отбросил все неважное и сосредоточился на главном – на безопасности и самом посыле светофора: иди или стой. Весьма вероятно, что его взгляд еще затуманивало многое другое, прежде всего Фарах Шариф. Для последнего переход слился с потоком воспоминаний о ней и надежд, а для Августа он, наверное, представлял в точности таким, как был.

Мальчик смог в мельчайших деталях зафиксировать и сам переход, и переходившего улицу смутно знакомого мужчину. Потом он держал этот образ в голове, точно прекрасную гравюру, и только через две недели ощутил потребность выпустить его наружу. И самое удивительное: он не просто передал светофор и мужчину, а наделил их каким-то тревожным светом. Франс никак не мог отделаться от мысли, что Август хочет сказать ему нечто большее, чем: «Смотри, что я умею!» Он в сотый раз пристально всматривался в рисунки, и тут ему словно бы вонзилась в сердце игла.

Бальдер испугался. До конца он не понимал, но это явно имело какое-то отношение к мужчине на рисунке. У того были блестящие и жестокие глаза; челюсти напряжены, а губы на удивление узкие, едва заметные, хотя последняя деталь едва ли могла говорить против него. Тем не менее чем дольше Франс его разглядывал, тем более пугающим он казался, и внезапно Бальдера охватил леденящий страх, как будто он столкнулся с неким предзнаменованием.

– Я люблю тебя, сынок, – пробормотал он, едва сознавая, что говорит, и, вероятно, повторил фразу несколько раз, поскольку эти слова стали казаться ему все более чужеродными.

Франс с какой-то новой болью сообразил, что никогда прежде не произносил их, а когда пришел в себя от первого шока, его осенило, что в этом есть нечто глубоко постыдное. Неужели для того, чтобы он полюбил собственного ребенка, потребовался исключительный

талант? В таком случае это чересчур типично. Ведь он всю жизнь был так судорожно нацелен на результат.

Не являвшееся новаторским или в высшей степени талантливым его не волновало, и, покидая Швецию ради Силиконовой долины, Франс едва ли даже вспоминал об Августе. Сын был, по большому счету, лишь источником раздражения, мешавшим эпохальным открытиям, которыми занимался Бельдер.

Но теперь все изменится, пообещал он себе. Он забудет научную работу и все то, что терзало и мучило его в последние месяцы, – и полностью посвятит себя сыну.

Он станет новым человеком, несмотря ни на что.

20 ноября

Как Габриэлла Гране попала в СЭПО, не понимал никто, и меньше всех она сама. Она принадлежала к типу девушек, которым все предрекали блестящее будущее. То, что ей уже исполнилось тридцать три, а она не стала известной или состоятельной и даже не вышла замуж – за богатого или вообще, – очень тревожило ее старых подруг из Юшхольма^[24].

– Что с тобой произошло, Габриэлла? Неужели ты собираешься всю жизнь быть полицейским?

Чаще всего у нее не хватало сил отругиваться или объяснять, что она вовсе не полицейский, а отобрана как лучший аналитик и пишет теперь гораздо более квалифицированные тексты, чем когда служила в МИДе или подрабатывала летом в качестве автора передовиц в газете «Свенска дагбладет». Кроме того, она все равно почти ни о чем не имела права рассказывать. Тогда уж лучше молчать, не обращая внимания на нелепую заикленность подруг на престиже, и просто смириться с тем, что работа в Службе безопасности рассматривается как полное фиаско – и друзьями из высшего общества, и приятелями-интеллектуалами.

В их глазах СЭПО представляло собой сборище недотеп с правым уклоном, которые, по негласным расистским соображениям, гоняются за курдами и арабами и не гнушаются тяжких преступлений и правонарушений, чтобы защищать бывших советских шпионов высшего ранга, – и временами она, конечно, бывала с ними согласна. В организации действительно имели место некомпетентность и сомнительные оценки, и большим позорным пятном оставалось дело Залаченко. Но ведь этим все не исчерпывалось. Интересная и важная работа здесь тоже шла, особенно теперь, после проведенных чисток, и Габриэлле иногда казалось, что именно в Службе безопасности высказываются интересные мысли – или, во всяком случае, здесь, а не в университетских аудиториях или из передовиц лучше понимаешь произошедший в мире переворот. Правда, она часто задавалась вопросом: «Как я сюда попала и почему не уйду?»

Определенную роль, вероятно, сыграло то, что ей польстили. С нею связался не кто-нибудь, а новый руководитель СЭПО Хелена Крафт, сказавшая, что после всех катастроф и уничижительных статей Служба безопасности должна начать набирать людей по-новому. Нам надо брать пример с британцев, сказала она, и «привлекать настоящие таланты из университетов, и, честно говоря, Габриэлла, лучше тебя нам не найти», – а большего и не требовалось.

Габриэлле приняли на работу аналитиком в отдел контрразведки, а затем перевели в отдел промышленной безопасности, и хотя она не слишком подходила для своей должности в том плане, что была молодой, да еще и женщиной, причем красивой, с аристократическим налетом, но во всех остальных отношениях она им подходила. Ее называли «папенькиной дочкой» и «гламурной девицей», что создавало кое-какие ненужные помехи. Но в целом ее считали отличным приобретением – сотрудником быстрым, восприимчивым, способным мыслить нешаблонно. Кроме того, она знала русский язык.

Его Габриэлла выучила параллельно с занятиями в Стокгольмском институте менеджмента, где, разумеется, была образцовой студенткой, правда, не особенно

заинтересованной. Она мечтала о чем-то большем, чем жизнь в мире бизнеса, и по окончании школы попыталась поступить в МИД, куда ее, естественно, приняли. Однако работа там ее тоже не больно вдохновляла. Дипломаты казались ей слишком скучными и благовоспитанными. Но тут ей как раз позвонила Хелена Крафт – и сейчас она уже проработала в СЭПО пять лет, и ее талант постепенно оценили, хотя временами ей, конечно, приходилось нелегко.

Сегодня день тоже выдался нелегкий, не только из-за проклятой погоды. В кабинете Габриэллы возник начальник управления Рагнар Улофссон и с недовольным и серьезным видом указал ей на то, что, находясь на задании, нельзя, черт возьми, флиртовать.

– Флиртовать? – переспросила она.

– Сюда доставили цветы.

– Разве я в этом виновата?

– Да, думаю, ответственность лежит на тебе. При выполнении задания мы должны вести себя корректно и сдержанно. Мы представляем один из центральных органов власти.

– Отлично, дорогой Рагнар! У тебя всегда можно чему-нибудь научиться. Теперь я, наконец, понимаю, что виновата в том, что начальник научного отдела компании «Эрикссон» не умеет отличать обычное вежливое обхождение от флирта. Теперь мне ясно, что я несу ответственность за то, что некоторые мужчины настолько принимают желаемое за действительное, что видят в простой улыбке сексуальный подтекст.

– Не мели чепухи, – отрезал Рагнар и ушел.

Задним числом Габриэлла пожалела о своих словах. Подобные высказывания, как правило, ни к чему не ведут. С другой стороны, она слишком долго терпела всякую мерзость.

Настала пора постоять за себя, и она быстро расчистила письменный стол и достала представленный британским Центром правительственной связи анализ русского промышленного шпионажа против европейских компаний, занимающихся программным обеспечением, который еще не успела прочесть. Тут позвонил телефон. Это оказалась Хелена Крафт, и Габриэлла обрадовалась. Хелена еще ни разу не звонила, чтобы пожаловаться или обвинить, – напротив.

– Я перейду прямо к делу, – сказала Хелена. – Мне звонят из США – и, похоже, по довольно срочному вопросу. Ты можешь принять информацию по своему «Циско»-телефону? Мы организовали надежную линию.

– Естественно.

– Хорошо. Я хочу, чтобы ты перевела мне информацию и оценила степень ее важности. Звучит серьезно, но сообщающая сведения женщина ведет себя как-то странно. Кстати, она говорит, что знает тебя.

– Переключайте.

Звонила Алона Касалес из АНБ, из Мэриленда; правда, Габриэлла на мгновение засомневалась, действительно ли это она. Когда они в последний раз встречались на конференции в Вашингтоне, Алона, уверенная в себе и харизматичная, выступала с докладом о том, что она, прибегнув к некоторому эвфемизму, называла активной сигнальной разведкой, – то есть о работе хакеров, – а потом они с Габриэλλой немного постояли вместе, потягивая напитки. Габриэлла, сама того не желая, подпала под ее очарование. Алона курила сигариллы и низким чувственным голосом отпускала крепкие остроты, часто с сексуальным подтекстом. Но сейчас, по телефону, она казалась совершенно растерянной и временами каким-то непостижимым образом теряла нить.

Алона никогда особенно не нервничала и обычно без проблем концентрировалась на нужной теме. Ей было сорок восемь лет, она была высокорослой, откровенной в своих высказываниях, с пышным бюстом и маленькими умными глазами, способными любого лишить уверенности. Она, казалось, часто видела людей насквозь и уж точно не отличалась особым почтением к начальству. Ей ничего не стоило выругать кого угодно – даже если к ним заезжал министр юстиции, – и это тоже служило одной из причин того, что Эд-Кастет отлично с нею ладил. Никто из них особенно не пекся о карьере. Их интересовал исключительно талант, и поэтому начальник службы безопасности в такой маленькой стране, как Швеция, был для Алоны лишь мелкой сошкой.

Тем не менее за время обычных проверок ее звонка она совершенно сбилась с мысли. Но это не имело никакого отношения к Хелене Крафт. Всему виной была разыгрывавшаяся у них в офисе драма. К вспышкам ярости Эда все уже, конечно, привыкли. Он мог орать, рычать и колотить кулаком по столу почти на ровном месте. Однако сейчас что-то сразу подсказало ей: здесь ситуация другого уровня.

Эд казался полностью парализованным, и пока Алона выпаливала в телефон несколько растерянных слов, вокруг шефа собрался народ – кое-кто доставал свои телефоны, и вид у всех без исключения был взволнованный и испуганный. Однако Алона, от собственного идиотизма или просто от сильного шока, трубку не положила и не попросила разрешения перезвонить позже. Она лишь согласилась на переключение разговора и попала, как и хотела, к Габриэлле Гране – очаровательной молодой сотруднице-аналитику, с которой познакомилась в Вашингтоне и сразу попыталась закадрить; и хотя из этого ничего не вышло, Алона рассталась с нею с чувством глубокой приязни.

– Привет, подруга, – сказала она. – Как поживаешь?

– Спасибо, хорошо, – ответила Габриэлла. – У нас кошмарная погода, а в остальном все о'кей.

– Мило мы в прошлый раз посидели, правда?

– Безусловно, было очень приятно. Похмелье ощущалось весь следующий день. Но полагаю, ты звонишь не для того, чтобы куда-нибудь меня пригласить?

– К сожалению, нет, как это ни печально. Я звоню потому, что мы перехватили серьезную угрозу в адрес шведского ученого.

– Кого именно?

– Мы долго не могли разобраться в информации или даже понять, о какой стране идет речь. Там использовались только неясные коды; большая часть сообщения была зашифрована, и ее никак не удавалось раскусить, но все-таки, как часто бывает, с помощью маленьких кусочков мозаики... о, черт...

– Извини?

– Подожди немного...

Компьютер Алоны замигал. Затем погас, и насколько она поняла, то же самое произошло по всему офису. Она на мгновение задумалась, что же ей делать, но решила продолжить разговор, по крайней мере, пока; возможно, это все-таки просто отключение электроэнергии, хотя остальное освещение работало.

– Я жду, – сказала Габриэлла.

– Спасибо, очень любезно с твоей стороны. Извини, пожалуйста. Тут у нас полная неразбериха. Так на чем я остановилась?

– Ты говорила о кусочках мозаики.

– Точно, точно, мы сложили кое-что вместе... ведь кто-нибудь всегда проявляет неосторожность, какими бы профессионалами им ни хотелось казаться, или...

– Да?

– ...разговаривает, упоминает какой-нибудь адрес или еще что-то, в данном случае скорее...

Алона снова умолкла. В офис вошел не кто-нибудь, а сам командер Джонни Ингрэм – один из настоящих тяжеловесов организации, с контактами в верхушке Белого дома. Конечно, Джонни Ингрэм старался держаться невозмутимо и надменно – как обычно. Он даже выдал какую-то шутку стоявшей поодаль компании. Но никого не обманул. За ухоженной, загорелой внешностью – еще со времен руководства шифровальным центром АНБ на острове Оаху он ходил загорелым круглый год – у него угадывалась нервозность во взгляде, и ему, похоже, хотелось привлечь всеобщее внимание.

– Алло, ты меня слышишь? – заволновалась Габриэлла.

– Я, к сожалению, должна закончить разговор. Я перезвоню, – сказала Алона и положила трубку, уже всерьез разволновавшись.

В самом воздухе чувствовалось, что случилось нечто ужасное – возможно, новое покушение террористов. Однако Джонни Ингрэм продолжал изображать спокойствие, и хотя он потирал руки и над верхней губой и на лбу у него выступил пот, он раз за разом подчеркивал, что ничего серьезного не произошло. Скорее всего, говорил Ингрэм, речь идет о каком-то вирусе, проникшем во внутреннюю сеть, невзирая на все меры предосторожности.

– Мы на всякий случай отключили наши серверы, – объявил он, на какое-то мгновение действительно сумев разрядить обстановку.

– Черт побери, вирус – это все-таки не так уж и опасно, – казалось, заговорили вокруг.

Но затем Джонни Ингрэм стал многословен и уклончив, и тут Алона, не выдержав, выкрикнула:

– Не темни!

– Мы пока почти ничего не знаем, ведь это произошло только что. Но, возможно, в наши компьютеры вторглись. Как только будем знать больше, мы сразу вам сообщим, – ответил Джонни Ингрэм, снова заметно разволновавшись.

По офису пробежал шум.

– Это опять иранцы? – поинтересовался кто-то.

– Мы думаем... – продолжил Ингрэм.

Закончить фразу он не успел. Его резко прервал тот, кому, естественно, полагалось бы давать объяснения с самого начала и кто только сейчас предстал перед собравшимися во всю свою медвежью мощь, – и вид у него в этот момент был, безусловно, впечатляющий. Эд Нидхэм, еще секунду назад раздавленный и пребывавший в шоковом состоянии, теперь излучал невероятную решимость.

– Нет, – прошипел он. – Это точно хакер, какой-то долбаный суперхакер, которому я отрежу яйца...

Габриэлла только надела пальто, чтобы идти домой, как снова позвонила Алона Касалес, и поначалу Гране рассердилась, не только из-за неразберихи в прошлый раз. Ей хотелось уйти, пока непогода не разбушевалась окончательно. Согласно новостям по радио,

ожидался ветер до тридцати метров в секунду и понижение температуры до минус десяти, а она была слишком легко одета.

– Извини за задержку, – сказала Алона. – У нас выдалось просто безумное утро. Полный хаос.

– Здесь тоже, – вежливо ответила Габриэлла, поглядывая на часы.

– Но у меня, как я говорила, важное дело – по крайней мере, я так думаю. Оценить не очень-то легко. Я как раз начала вычислять группировку русских, я тебе сказала?

– Нет.

– Ну, вероятно, там есть еще немцы и американцы, а возможно, и кое-кто из шведов.

– О какой группировке мы говорим?

– О преступниках, я бы сказала, об изоощренных преступниках, которые больше не занимаются ограблением банков или торговлей наркотиками, а воруют секреты предприятий и конфиденциальную бизнес-информацию.

– Черные хакеры?

– Это не просто хакеры. Они еще шантажируют и подкупают людей. Возможно, занимаются даже таким старомодным делом, как убийства. Но, по правде говоря, у меня пока на них собрано не слишком много – в основном кое-какие кодовые слова и неподтвержденные связи плюс пара настоящих имен нескольких молодых компьютерщиков нижнего звена. Группировка занимается квалифицированным промышленным шпионажем, поэтому, в частности, дело и попало ко мне на стол. Мы опасаемся того, что новейшие американские технологии попали в руки к русским.

– Понятно.

– Но добраться до них нелегко. Они хорошо шифруются, и как я ни старалась подобраться к руководящей прослойке, мне удалось установить только, что их лидера называют Таносом.

– Таносом?

– Да, это производное от Танатоса, бога смерти в греческой мифологии, который приходится сыном Нюкте, ночи, и братом-близнецом Гипнозу, сну.

– Как драматично.

– Скорее по-детски. Танос является злым разрушителем в комиксах компании «Марвел» – ну, где еще есть такие герои, как Халк, Железный человек и Капитан Америка, – и, во-первых, все это не слишком русское, а главное... как бы это сказать...

– Несерьезное и высокомерное?

– Да, будто они – сборище самоуверенных студентов колледжа, которое над нами издевается. И это меня раздражает. Честно говоря, в данной истории меня беспокоит многое, поэтому я, конечно, очень заинтересовалась, когда мы, благодаря радиотехнической разведке, узнали, что, судя по всему, из этой компании кто-то улизнул. Нам подумалось, что через него мы, пожалуй, могли бы кое-что разузнать, если только сумеем заполучить этого парня, прежде чем они доберутся до него сами. Однако, разобравшись в ситуации получше, мы поняли, что дело обстоит совсем не так, как мы предполагали.

– В каком смысле?

– Их бросил не какой-нибудь криминальный тип, а напротив, человек порядочный. Он уволился с фирмы, где у этой организации имеются осведомители, и, похоже, случайно узнал нечто для них крайне важное.

– Ясно.

– По нашим оценкам, этот человек сегодня находится под серьезной угрозой. Ему необходима защита. Но до самого последнего времени мы не представляли, где его искать. Не знали даже, на какой фирме он работал. А сейчас мы полагаем, что вычислили его, – продолжала Алона. – Понимаешь, на днях один из этих персонажей случайно обмолвился о беглеце и сказал, что «с ним улетучились все чертовы Тэ».

– Чертовы Тэ?

– Да, это прозвучало загадочно и странно, но имело то преимущество, что было очень специфично и крайне легко поддавалось поиску. Правда, именно сочетание «чертовы Тэ» ничего не давало, а Тэ вообще, слова на Тэ, связанные с фирмами, предположительно с высокотехнологичными компаниями, все время приводили к одному и тому же – к Николасу Гранту и его максиме: Толерантность, Талант и Теснота.

– Имеется в виду «Солифон»? – уточнила Габриэлла.

– Мы считаем, что да. По крайней мере, нам показалось, будто все встало на свои места, и поэтому мы начали проверять, кто в последнее время покинул «Солифон», и поначалу ничего не добились – ведь там большая текучка. Думаю даже, что так и было задумано. Таланты должны сменять друг друга. И тогда мы стали размышлять над этими Тэ. Знаешь, что Грант имеет в виду?

– Не совсем.

– Это его рецепт креативности. Под толерантностью он подразумевает, что нужна терпимость по отношению к необычным идеям и необычным людям. Чем больше ты открыт для людей с отклонениями или вообще для меньшинств, тем больше к тебе стекается новаторских мыслей. Немного напоминает Ричарда Флориду с его гей-индексом. Там, где толерантно относятся к таким, как я, присутствует также бóльшая открытость и креативность.

– Слишком гомогенные и осуждающие организации ничего не создают.

– Именно. А таланты, по его словам, не только выдают хорошие результаты – они еще притягивают другие таланты. Создают среду, где людям приятно находиться. И с самого начала Грант пытался скорее заманивать к себе гениев в своей отрасли, нежели заполучать идеально подходящих специалистов. Пусть направление определяют таланты, а не наоборот, считал он.

– А теснота?

– От талантов должно быть тесно, то есть пусть работают сплошные таланты. Незачем разводить бюрократию для организации встреч. Не нужно заранее оговаривать время встречи и беседовать с секретарями. Просто вваливайся и обсуждай. Надо иметь возможность перебрасываться идеями беспрепятственно. И, как ты наверняка знаешь, «Солифон» добился сказочного успеха. Они поставили новаторские технологии в целый ряд мест, даже сюда, в АНБ, между нами говоря. Но затем появился новый маленький гений, твой соотечественник, и с ним...

– ...улетучились все чертовы Тэ.

– Точно.

– И это был Бальдер.

– Совершенно верно. И я не думаю, чтобы у него в нормальной ситуации имелись проблемы с толерантностью, да и с теснотой. Однако он с самого начала распространял вокруг себя какой-то яд и отказывался хоть чем-то делиться. Ему с ходу удалось испортить хорошую атмосферу среди элитарных ученых компании, особенно когда Бальдер начал

обвинять народ в воровстве и эпигонстве. Кроме того, он крупно поругался с владельцем, Николасом Грантом. Но тот отказывается рассказывать, в чем было дело; говорит только, что оно носило личный характер. Вскоре после этого Бальдер уволился.

– Я знаю.

– Да, и большинство только обрадовалось его уходу. В компании стало легче дышать, и люди снова начали доверять друг другу, хотя бы в какой-то степени. Но Николас Грант не обрадовался, и, прежде всего, не порадовались его адвокаты. Бальдер забрал с собою свои наработки, а все подозревали – возможно, потому что никто о его исследованиях ничего толком не знал, и слухи сменяли друг друга, – что он додумался до чего-то сенсационного, способного произвести революционные преобразования в квантовом компьютере, над которым работал «Солифон».

– А чисто юридически его достижения принадлежали компании, а не лично ему.

– Именно. Соответственно, хотя Бальдер громко кричал о воровстве, в конечном счете вором оказался он сам, и скоро, вероятно, грянет суд, если только Бальдер не сможет запугать ведущих адвокатов тем, что ему известно. Он передал им, что информация является для него страховкой жизни, и возможно, так и есть. Но в худшем случае она станет также...

– Его смертью.

– Меня, по крайней мере, это беспокоит, – продолжала Алона. – У нас появляются все более явные признаки того, что затевается нечто серьезное, а по словам твоего шефа я поняла, что ты можешь помочь нам с кое-какими фрагментами мозаики.

Бросив взгляд на бурю за окном, Габриэлла испытала сильное желание бросить все и рвануть домой. Тем не менее она сняла пальто и с отвратительным настроением уселась обратно за стол.

– В чем вам нужна помощь?

– Как ты думаешь, что он разузнал?

– Должна ли я понимать это так, что вам не удалось ни наладить его прослушку, ни проникнуть к нему в компьютер?

– На это, душенька, я тебе не отвечу. Но как тебе кажется?

Габриэлла вспомнила, как Франс недавно, стоя в дверях ее кабинета, бормотал о том, что мечтает о «новой жизни»... Что он под этим подразумевал?

– Предполагаю, тебе известно, – сказала она, – что Бальдер считал, будто у него в Швеции украли результаты исследования. Радиотехнический центр Министерства обороны провел довольно обширное обследование и в какой-то мере признал справедливость его слов, хотя дальше разбираться не стал. Тогда же я впервые встретила с Бальдером, и он мне не слишком понравился. Заговорил меня до смерти и закрывал глаза на все, не касавшееся его самого и его исследований. Помню, мне подумалось, что никакой успех на свете не стоит подобной однобокости. Если для мирового признания требуется такая жизненная позиция, мне оно не нужно, даже в мечтах. Впрочем, возможно, на мое отношение к нему повлияло постановление суда.

– Об опеке?

– Да, его тогда только что лишили права заниматься сыном-аутистом, поскольку он не уделял тому никакого внимания и даже не заметил, когда мальчику свалился на голову чуть ли не целый стеллаж его книг, и, услышав, что он восстановил против себя буквально весь «Солифон», я прекрасно поняла, почему. Мне подумалось: так ему и надо.

– А дальше?

– Дальше он вернулся домой, и у нас заговорили о том, что ему бы надо предоставить какую-то форму защиты; тогда я снова с ним встретила. Всего несколько недель назад. Просто невероятно, но он совершенно изменился. Не только потому, что сбрил бороду, привел в порядок прическу и похудел. Он сделался более тихим и даже немного неуверенным. От его одержимости не осталось и следа, и я помню, что спросила его, не волнуется ли он по поводу предстоящих процессов. И знаешь, что он ответил?

– Нет.

– Он с невероятным сарказмом заявил, что не волнуется, поскольку перед законом все равны.

– И что же он имел в виду?

– Что мы все равны, если одинаково расплачиваемся. В его мире, сказал он, закон – не что иное, как меч, которым пронзают таких, как он. То есть он, конечно, волновался. Волновался и потому, что знает вещи, которые не так-то легко носить в себе, даже при том, что они могут его спасти.

– А он не сказал, что это?

– Он сказал, что не хочет лишиться своей единственной козырной карты. Хочет подождать и посмотреть, насколько далеко готов пойти противник. Но я заметила по нему, что он выбит из колеи. В какой-то момент он выпалил, что есть люди, желающие причинить ему вред.

– Каким образом?

– Не чисто физически, по его мнению. Они главным образом хотят отобрать у него его исследования и доброе имя. Но я не уверена, что он действительно считает, будто на этом все закончится, поэтому предложила ему завести сторожевую собаку. Мне вообще кажется, что собака была бы отличной компанией человеку, живущему в пригороде, причем в слишком большом доме. Однако он отказался. Резко заявил, что сейчас держать собаку не может.

– Как ты думаешь, почему?

– Не знаю. Но у меня возникло ощущение, что его что-то тяготит, и Бальдер не стал особенно громко протестовать, когда я организовала установку у него в доме новейшей системы сигнализации. Ее только что установили.

– Кто?

– Охранное предприятие, с которым мы обычно сотрудничаем, – «Милтон секьюрити».

– Хорошо, очень хорошо. Но я бы все-таки предложила вам перевезти его в какое-нибудь надежное место.

– Дело обстоит так плохо?

– Риск, во всяком случае, существует, и этого достаточно, ты согласна?

– О, да, – ответила Габриэлла. – Ты можешь прислать сюда какие-нибудь документы, чтобы я сразу же могла поговорить с начальством?

– Посмотрим, но я даже не знаю, что могу в данный момент предпринять. У нас тут... довольно серьезные компьютерные проблемы.

– Неужели ваше ведомство может себе такое позволить?

– Нет, ты права, полностью права. Я тебе перезвоню, душенька, – сказала она и положила трубку, а Габриэлла несколько секунд не двигалась с места, глядя на метель, все более злобно хлеставшую по окну. Затем достала свой «Блэкфон» и позвонила Франсу Бальдеру. Она звонила снова и снова – не только чтобы предупредить его и проследить за тем, чтобы он немедленно переехал в какое-нибудь безопасное место; ей вдруг захотелось

поговорить с ним, узнать, что он имел в виду, говоря: «В последние дни я мечтаю о новой жизни».

Однако никто не знал, а если бы узнал, то не поверил бы, что Франс Бальдер был полностью поглощен попытками заставить сына нарисовать еще один рисунок, сияющий странным светом, будто из другого мира.

20 ноября

На компьютере замигали слова:

Mission Accomplished!^[25]

Чума громко закричал хриплым, почти безумным голосом, что было, пожалуй, немного неосмотрительно. Впрочем, соседи, если и услышали его случайно, едва ли могли догадаться, в чем дело.

Дом Чумы не слишком напоминал место для совершения переворотов в сфере политики национальной безопасности на высшем международном уровне. Он больше походил на пристанище асоциального элемента. Жил Чума на Хёгклинтавэген в Сундбюберге – крайне непрестижном районе Стокгольма с унылыми четырехэтажными домами из блеклого кирпича, а о самой квартире вообще ничего хорошего сказать было нельзя. Там не только пахло чем-то кислым и затхлым. На письменном столе Чумы, среди всевозможного хлама, валялись остатки еды из «Макдоналдса» и банки из-под кока-колы, скомканные листки с записями, крошки от печенья, невымытые кофейные чашки и пустые пакетики от конфет, а если часть всего этого и попадала в корзину для бумаг, то последняя не опорожнялась неделями, и по комнате нельзя было пройти ни метра, не наступив на хлебные крошки и гравий. Впрочем, никого из его знакомых это не удивляло.

К тому же Чума обычно не принимал душ и без особой необходимости не менял одежду. Жил он целиком и полностью перед компьютером и даже в не самые напряженные периоды работы выглядел удручающе: разжиревший и неухоженный, хоть и с намеком на стильную бороду-эспаньолку. Правда, борода у него давно превратилась в бесформенный куст. Чума был огромный, как великан, кособокий и при каждом движении любил попыхтеть. Но у него имелись другие достоинства.

Прежде всего, он был виртуозным компьютерщиком, хакером, который беспрепятственно перемещался по киберпространству и имел в этой области одного-единственного достойного соперника – или в данном конкретном случае, пожалуй, следует сказать соперницу, – и сам вид его пальцев, танцующих по клавиатуре, радовал глаз. Чума был столь же легок и гибок в Сети, сколь тяжел и неуклюж в другом, более зримом мире, и пока сосед откуда-то сверху – вероятно, господин Янссон – стучал в пол, он отвечал на полученное сообщение:

Оса, проклятуший гений... Тебе надо поставить памятник!

Потом он с блаженной улыбкой откинулся на спинку кресла и попытался суммировать весь ход событий – или, на самом деле, просто немного понаслаждаться триумфом, – прежде чем вывести у Осы мельчайшие детали и, возможно, заодно убедиться в том, что она опять замела все следы. Никому не удастся их отследить, никому!

Над могущественными организациями они издевались и раньше. Но тут речь шла о новом уровне, и многие в эксклюзивной компании, к которой они принадлежали, в так называемой «Республике хакеров», воспротивились этой идее, и прежде всего – сама Оса.

Если требовалось, она могла бороться с любыми ведомствами или людьми. Но драться просто из любви к искусству она не любила.

Подобная детская хакерская возня ей не нравилась. Она не из тех, кто вламывается в суперкомпьютеры, только чтобы выпендриться. Осе всегда хотелось иметь четкую цель, и она вечно проводила свои чертовы анализы последствий. Сопоставляла долгосрочные риски с краткосрочным удовлетворением потребностей, и в этом отношении едва ли кто-нибудь взялся бы утверждать, что вламываться в компьютеры АНБ особенно разумно. Тем не менее она дала себя убедить, и никто толком не понял, почему.

Возможно, ей требовался стимул. Скажем, ей все наскучило и захотелось создать небольшой хаос, чтобы не умереть от тоски. Или же, как утверждал кое-кто из их группы, Оса уже пребывала в состоянии конфликта с АНБ, и поэтому вторжение было просто ее личной мстью. Впрочем, другие члены группы ставили это под сомнение, настаивая на том, что она ищет информацию, будто за чем-то охотится с тех самых пор, как ее отца Александра Залаченко убили в Гётеборге, в Сальгренской больнице.

Однако наверняка никто не знал. У Осы всегда водились тайны, и мотив, вообще-то, никакой роли не играет – так они, во всяком случае, пытались себя убеждать. Если она готова помочь, надо просто с благодарностью принять помощь, не вникая в то, что изначально она не проявляла особого энтузиазма, да и вообще почти никаких эмоций. По крайней мере, она больше не упиралась, и этого достаточно.

С подключением Осы проект сразу приобрел более обнадеживающий вид, а они все лучше большинства людей знали, что АНБ в последние годы грубейшим образом превышало свои полномочия. На сегодняшний день агентство прослушивало не только террористов и лиц, представлявших потенциальную угрозу безопасности, или даже не исключительно важных потентатов, типа глав иностранных государств или власть имущих, а всех, почти всех. Отслеживались миллионы, миллиарды, биллионы разговоров, переписок и действий в Сети, и с каждым днем АНБ расширяло свои позиции, глубже и глубже внедрялось в нашу частную жизнь, превращаясь в одно большое недремлющее злое око.

По правде говоря, никто из членов «Республики хакеров» не вел себя в этом отношении особенно примерно. Все они, без исключения, забирались в такие места цифрового пространства, где им было нечего делать. Это, так сказать, входило в правила игры. Хакер – это нарушитель границ со всеми вытекающими отсюда плюсами и минусами; человек, который исключительно в силу своей деятельности пренебрегает правилами и расширяет границы собственного знания, не всегда считаясь с разницей между частным и публичным.

Однако моральные принципы у них существовали, и главное, они знали – тоже по собственному опыту, – что такое коррупция во власти, особенно власти без надзора, и никому из них не нравилась мысль о том, что злостные и беззастенчивые хакерские атаки теперь осуществляются не отдельными бунтарями и изгоями, а государственными гигантами, стремящимися контролировать свое население. Поэтому Чума, Троица, Боб Собака, Клешня, Дурак, Кот и вся компания из «Республики хакеров» решили нанести ответный удар, взломав компьютеры АНБ и так или иначе навредив.

Задача была не из легких. Она немного походила на кражу золота с военной базы Форт-Нокс, а будучи самонадеянными идиотами, они хотели не просто забраться в систему – им хотелось еще завладеть ею. Они хотели создать себе статус суперпользователя, или Root, если говорить на языке «Линукса», а для того, чтобы это получилось, им требовалось найти неизвестные уязвимости в системе безопасности, так называемые Zero days^[26] – сперва на

серверной платформе АНБ, а затем во внутренней сети бюро, откуда ведется радиотехническая разведка по всему миру.

Начали они, как обычно, с небольшого социального инжиниринга. Им требовалось найти имена системных администраторов и аналитиков инфраструктуры, владевших сложными паролями для входа во внутреннюю сеть, а еще не повредило бы обнаружить какого-нибудь раздолбая, который может пренебрегать рутинными мерами безопасности. И действительно, по собственным каналам они получили четыре, пять, шесть имен, в частности парня, звавшегося Ричард Фуллер.

Он работал в группе информационной системы АНБ по реагированию на чрезвычайные ситуации, которая контролировала внутреннюю сеть организации и постоянно охотилась за утечками информации и незаконно вторгшимися лицами. Фуллер был «правильным» парнем – Гарвардский диплом юриста, республиканец, куотербек^[27], патриотическая мечта, если верить его резюме. Однако Бобу Собаке удалось узнать через бывшую любовницу этого парня, что он втихаря страдает биполярным расстройством и, возможно, балуется кокаином.

В минуты возбуждения Фуллер совершает самые разные глупости – например, даже скачивает файлы и документы, не поместив их предварительно в «песочницу»^[28]. Кроме того, он обладал красивой внешностью, пожалуй, чуть слащавой, и больше походил на финансиста типа Гордона Гекко^[29], чем на тайного агента, и кто-то – вероятно, сам Боб Собака – подбросил идею, что Оса могла бы поехать к нему в Балтимор, переспать с ним и устроить ему «медовую ловушку».

Оса послала их всех к черту.

Затем она отвергла другую их идею – написать в головной офис в Форт-Миде документ с якобы взрывными сведениями как раз о незаконных вторжениях и утечках, зараженный новейшим «трояном», шпионской программой с высоким порогом оригинальности, которую разработают Чума с Осой. Мысль заключалась в том, чтобы потом выложить в Сети наводки, которые смогли бы привлечь к файлу внимание Фуллера и в случае удачи настолько его взволновать, что он пренебрежет безопасностью. План был вовсе не плох – прежде всего, он мог бы ввести их в компьютерную систему АНБ без применения активного вторжения, которое, возможно, сумели бы отследить.

Но Оса не собиралась, как она выразилась, сидеть и ждать, пока кретин Фуллер опростоволосится. Она не хотела зависеть от промахов других и вообще сопротивлялась и упрячилась, поэтому никого не удивило, когда девчонка вдруг решила взять всю операцию на себя, и хотя это вызвало кое-какие споры и протесты, под конец все согласились – правда, выдав ей ряд инструкций. Она действительно аккуратно записала добытые ими имена и сведения о системных администраторах, а еще попросила помощи с так называемой операцией дактилоскопии – исследованием серверных платформ и оперативных систем. А потом отгородилась от «Республики хакеров» и от всего мира, и Чуме казалось, что она не слишком прислушивается к его советам – например, что ей нельзя использовать свой ник, свой псевдоним, и не следует работать дома, а скорее, в какой-нибудь удаленной гостинице, под вымышленным именем, на случай если ищейкам АНБ удастся отследить ее через запутанные лабиринты программы Tor. Но она, естественно, делала все по собственному усмотрению, и Чуме оставалось только сидеть за письменным столом в Сундбюберге и ждать с вконец измотанными нервами; поэтому он по-прежнему не имел представления о том, как она действовала.

Наверняка Чума знал лишь одно: совершенное ею грандиозно и легендарно, и пока за

окном завывала буря, он немного расчистил хлам на письменном столе, склонился над компьютером и написал:

Расскажи! Какое у тебя ощущение?

Опустошенность, – ответила она.

ОПУСТОШЕННОСТЬ.

Именно такое ощущение у нее и было. Целую неделю Лисбет Саландер почти не спала и, вероятно, пила и ела тоже слишком мало, – и теперь у нее болела голова, глаза налились кровью, руки тряслись, и больше всего ей хотелось скинуть все свое оборудование на пол. Впрочем, где-то в глубине души она испытывала удовлетворение, хотя едва ли по той причине, по какой думал Чума или кто-нибудь другой из «Республики хакеров». Лисбет была довольна тем, что узнала кое-что новое о криминальной группировке, которую исследовала, и тем, что смогла констатировать связь, о наличии которой раньше только предполагала или догадывалась. Но это она держала при себе, и ее удивляло, что остальные могли подумать, будто она хакнула систему из любви к искусству.

Она не подросток с играющими гормонами и не ищущий кайфа идиот, желающий показать класс. Если уж Лисбет бралась за такое рискованное предприятие, то хотела чего-то очень конкретного, хотя когда-то хакерство и вправду было для нее больше, чем просто орудием. В худшие моменты детства оно являлось для нее способом бегства от действительности, возможностью почувствовать себя в этой жизни чуть менее изолированной. С помощью компьютеров она могла сокрушать стены и барьеры, обычно возводившиеся перед нею, и ощущать мгновения свободы, – и в известной степени это наверняка по-прежнему присутствовало.

Но главным образом она занималась охотой, причем с тех самых пор, как однажды на рассвете проснулась от сна о кулаке, ритмично и истово бьющем по матрасу в квартире на Лундагатан. И никто бы не взялся утверждать, что охота эта была простой. Противники скрывались за дымовыми завесами, и поэтому, в частности, Лисбет Саландер в последнее время казалась необычно трудной и резкой в общении. Она словно бы испускала какой-то новый мрак; за исключением здорового громогласного тренера по боксу по имени Обинце и двух-трех любовников и любовниц, больше почти ни с кем не общалась и больше, чем когда-либо, выглядела, как ходячий сгусток проблем – волосы взъерошены, взгляд мрачен... И даже если она иногда пыталась произносить любезности, они удавались ей немногим лучше, чем прежде. Говорила Лисбет правду – или ничего.

А ее квартира здесь, на Фискаргатан... ну, это отдельная история. По размеру она могла вместить семейство с семьей детьми и, невзирая на прошедшие годы, сколько-нибудь обставленной или уютной не была. Лишь кое-где стояла наобум расставленная мебель из ИКЕА, отсутствовал даже музыкальный центр – возможно, отчасти потому, что в музыке Лисбет не разбиралась. Она видела больше музыки в дифференциальном уравнении, чем в произведении Бетховена. При этом Саландер была богата, как тролль. Украденные ею когда-то у негодя Ханса-Эрика Веннерстрёма деньги выросли в сумму, чуть превышавшую пять миллиардов крон. Однако состояние – что было вполне типично для нее – никак не отразилось на ее личности, разве что сознание собственного богатства сделало ее еще более бесстрашной. По крайней мере, в последнее время Лисбет приходили в голову все более радикальные меры, типа: сломать пальцы насильнику и поползть по внутренней сети АНБ.

Тут она явно перешла границы, но рассматривала это как необходимость и на протяжении многих дней и ночей была полностью поглощена, забыв обо всем остальном. Теперь, по завершении дела, Саландер, сощутив усталые глаза, оглядывала два своих рабочих стола, составленные под углом в форме буквы L. На столах располагалось ее оборудование – собственный обычный компьютер и специально купленный тестовый, куда она установила копию сервера и операционной системы АНБ.

Тестовый компьютер она затем атаквала специально написанной фаззинговой программой, искавшей в платформе ошибки и уязвимости. Потом добавила отладочную и тестовую атаки, а также атаку в режиме «черного ящика». Полученные результаты Лисбет положила в основу своего вируса-шпиона, собственного RAT, и поэтому не могла допустить небрежности ни в одном пункте. Разумеется, только тщательно исследовав систему сверху донизу, она установила копию сервера у себя дома. Набросься Саландер напрямую на реальный сервер, инженеры АНБ сразу бы это заметили и почувяли неладное, и тогда веселью быстро настал бы конец.

Теперь она могла беспрепятственно работать, день за днем, почти без сна и еды, и если вдруг все же покидала компьютер, то лишь чтобы чуть-чуть вздремнуть на диване или разогреть в микроволновке какую-нибудь пиццу. В общем, Лисбет работала изо всех сил, пока глаза не наливались кровью, в особенности со своим «эксплойтом нулевого дня» – софтом, который выискивал неизвестные АНБ уязвимости и должен был, после проникновения внутрь, обновлять ее статус. И, честно говоря, это было чистым безумием.

Лисбет написала программу, дававшую ей не только контроль над системой, но и возможность дистанционного управления всем, чем угодно, во внутренней сети, о которой она обладала лишь отрывочными знаниями, что на самом деле являлось наиболее абсурдным из всего.

Ей предстояло не просто проникнуть внутрь, а войти в сеть АНБ, представлявшую собой самостоятельную собственную вселенную, едва ли вообще связанную с обычным Интернетом. Внешне Лисбет, возможно, напоминала подростка, получившего неуд по всем предметам. Но в области исходных кодов компьютерных программ и общих логических связей ее мозг делал только: «щелк, щелк», и в итоге она создала совершенно новую улучшенную шпионскую программу, новейший вирус, обладавший собственной самостоятельной жизнью. И когда Лисбет, наконец, почувствовала, что удовлетворена, в ее работе наступила следующая фаза. Теперь ей предстояло перестать играть в собственной «лаборатории» и перейти к настоящей атаке.

Поэтому она достала купленную в Берлине сим-карту оператора «Ти-Мобайл» и, вставив ее в свой телефон, подсоединилась к Интернету. Пожалуй, ей действительно было бы лучше сидеть где-нибудь в другом месте, в какой-нибудь удаленной части света, возможно, «переодетой» в свой второй облик, под именем Ирене Нессер.

Теперь же парни из службы охраны АНБ, если они достаточно усердны и умны, может быть, сумеют проследить ее до базовой станции «Теленор»^[30] в этом квартале. До самого конца им, правда, не добраться – во всяком случае, техническим путем. Но все-таки они смогут подойти достаточно близко, что было бы неудачно со всех точек зрения. Тем не менее Саландер сочла, что преимущества работы из дома перевешивают, и приняла все известные ей меры предосторожности. Как многие другие хакеры, она пользовалась tor-сетью, позволявшей ее трафику затеряться среди тысяч и тысяч пользователей. Однако Лисбет знала, что в данном случае это недостаточно надежно – для деанонимизации пользователей

системы АНБ использовало технику EgotisticalGiraffe, – поэтому долго трудилась над улучшением личной безопасности и только потом перешла к атаке.

Она вскрыла сервер, как консервную банку. Но никаких причин для самонадеянности это не давало. Теперь надо было быстро-быстро найти тех системных администраторов, имена которых ей дали, внедрить свою шпионскую программу в какой-нибудь из их файлов и создать мостик между серверной и внутренней сетями, что представляло собой отнюдь не сложную операцию. Нельзя было допустить никаких оповещений со стороны антивирусных программ, и, выбрав под конец человека по имени Том Брекинридж, она под его именем вошла в сеть АНБ, и тут... каждый мускул ее тела напрягся. Перед ее измученными от работы и недосыпа глазами стала происходить магия.

Шпионская программа уводила ее все дальше и дальше в самое тайное из тайного, и она, конечно, точно знала, куда направляется. Ей надо было в Active Directory – Службу Каталогов, или ее аналог, чтобы поднять свой статус. Из скромного нежелательного визитера ей предстояло превратиться в суперпользователя этой густонаселенной вселенной, и, достигнув цели, она попыталась получить некое представление о системе, что оказалось нелегко. Вернее, совершенно невозможно; а временем она не располагала.

Надо было спешить, спешить, и Саландер изо всех сил боролась, чтобы разобраться в поисковой системе, уловить все кодовые слова, выражения и гиперссылки, всю эту галиматью, и уже собиралась все бросить, когда в конце концов обнаружила документ, помеченный Top Secret, NOFORN – No foreign distribution^[31]. Сам по себе документ ничего особенного не представлял, но в сочетании с парой линков между Зигмундом Экервальдом из «Солифона» и киберагентами из отдела «Охраны стратегических технологий» АНБ все же образовывалась взрывчатая смесь, и Лисбет с улыбкой запомнила каждую мельчайшую деталь, хотя в следующее мгновение она громко выругалась, увидев еще один документ, который, похоже, имел отношение к делу. Он был зашифрован, поэтому она не видела иного выхода, как скачать его, но тут же догадалась, что в Форт-Миде появится какое-нибудь предостережение.

Лисбет чувствовала, что ситуация становится критической. Кроме того, ей нужно было приниматься за официальное задание, если считать «официальное» подходящим в данном контексте словом. Но она торжественно пообещала Чуме и остальным членам «Республики хакеров» опозорить АНБ и сбить с организации немного спеси, поэтому попыталась узнать, с кем ей следует связаться. Кому стоит послать сообщение?

Саландер выбрала Эдвина Нидхэма, Эда-Кастета. Его имя все время всплывало в контексте IT-безопасности, а быстро разузнав о нем кое-что во внутренней сети, она невольно прониклась к нему уважением. Эд-Кастет был звездой. Но она его все-таки перехитрила.

На мгновение Лисбет заволновалась, что ее обнаружат. Ее вторжение вызовет суматоху. Но ведь именно суматоха ей и требовалась, поэтому она пошла в наступление. Она не имела ни малейшего представления о том, который теперь час. Это могли быть день или ночь, осень или весна, она лишь смутно, в самой глубине сознания, чувствовала, что буря на улице еще усилилась, точно погода синхронизировалась с ее атакой, а в далеком Мэриленде – вблизи от знаменитого перекрестка Балтимор-паркуэй и Мэриленд-рут 32 – Эд-Кастет начал писать мейл.

Далеко продвинуться он не успел, поскольку секундой позже она перехватила инициативу и продолжила его предложение: *«Тот, кто наблюдает за народом, в конце*

концов сам оказывается под наблюдением народа. В этом есть фундаментальная демократическая логика», – и чуть позже фразы показались попавшими прямо в точку, гениальной идеей. Вкусив сладость реванша, Лисбет повлекла Эда-Кастета в путешествие по системе. Они вдвоем пронесли в танце мимо целого мерцающего мира данных, которые требовалось любой ценой держать в тайне.

Ощущение было, несомненно, ошеломляющим, но тем не менее, как уже говорилось, тем не менее... Когда она отсоединилась и все логи ее работы автоматически стерлись, пришло похмелье. Появилось такое чувство, как после оргазма с неправильным партнером, и фразы, казавшиеся только что такими меткими, звучали все больше по-детски, как болтовня хакеров. Внезапно ей захотелось выпить в стельку, не меньше. Усталыми, шаркающими шагами Саландер добралась до кухни, принесла бутылку виски «Талламор Дью» и несколько бутылок пива, чтобы сполоснуть рот, и уселась пить возле компьютеров. Не чтобы отпраздновать, отнюдь. Никаких победных ощущений в теле не осталось. Скорее... что же? Пожалуй, упрямство.

Она все пила и пила, а за окном бушевала буря, и из «Республики хакеров» потоком лились приветственные возгласы. Но ее больше ничего не трогало. Едва держась в вертикальном положении, Лисбет быстро взмахнула рукой над столом, равнодушно наблюдая за тем, как летят на пол бутылки и пепельницы. Потом она подумала о Микаэле Блумквисте.

Наверняка все дело в алкоголе. Блумквист обычно всплывал у нее в мыслях, когда она напивалась, как спяну могут вспоминаться бывшие любовники, и она почти бессознательно влезла в его компьютер – это вам не АНБ. Туда Лисбет со старых времен знала кратчайший путь, и поначалу ее даже заинтересовало, что она там, собственно, забыла.

Ей ведь на него плевать, или нет? Он ушел в историю; привлекательный идиот, в которого ее когда-то угораздило влюбиться, и повторять эту ошибку она не намеревалась. Нет, на самом деле ей следовало бы просто отключиться от Сети и несколько недель даже не смотреть на компьютер. Но она все-таки осталась на его сервере – и в следующее мгновение просияла. Чертов Калле Блумквист создал файл под названием «Ящик Лисбет», и в этом документе имелся вопрос:

Что нам думать об искусственном интеллекте Франса Бальдера?

Она все же слегка улыбнулась, отчасти, пожалуй, из-за Франса Бальдера.

Он был в ее вкусе: фанат компьютеров, зацикленный на исходных кодах, квантовых процессах и возможностях логики. Но прежде всего улыбку вызвал у нее сам факт, что Микаэль наткнулся на ту же область, что и она. И хотя Лисбет уже давно подумывала все выключить и пойти спать, она написала ответ:

Интеллект Бальдера вовсе не искусственный. А как в настоящее время обстоит дело с твоим собственным?

И что произойдет, Блумквист, если мы создадим машину, которая будет слегка шустрее нас самих?

Потом пошла в одну из своих спален и прямо в одежде рухнула на кровать.

20 ноября

В редакции журнала произошло что-то еще, что-то нехорошее. Но обсуждать детали по телефону Эрика не хотела. Она настаивала на приезде к нему домой.

– Ты отморозишь свою красивую попку! – пробовал отговорить ее Микаэль.

Эрика его не слушала, и, если бы не ее тон, Блумквиста даже обрадовало бы ее упорство. Ему все равно с самого ухода из редакции хотелось поговорить с нею, а возможно, еще затащить в спальню и сорвать с нее одежду. Но что-то подсказывало ему, что сейчас об этом не могло быть и речи. Эрика звучала раздраженно и пробормотала: «прости», что разволновало его еще больше.

– Я беру такси прямо сейчас, – сказала она.

Но Бергер все-таки задержалась, и за неимением других занятий Микаэль зашел в ванную и стал разглядывать себя в зеркале. Он знал и лучшие дни. Волосы взъерошены, неподстрижены, под глазами круги и мешки. Всему виной Элизабет Джордж... Выругавшись, он вышел из ванной и принялся прибираться в квартире.

По крайней мере, на это Эрика пожаловаться не сможет. Как бы долго они друг друга ни знали и как бы тесно ни были переплетены их жизни, у него по-прежнему развивался небольшой комплекс порядка. Он – холостяк из рабочей семьи, она – замужняя дама из высшего общества с прекрасным домом в Сальтшёбадене, и при любых обстоятельствах приличный вид его квартире не повредит. Загрузив посудомоечную машину и вымыв раковину, Микаэль побежал выносить мусор. Он даже успел пропылесосить гостиную, полить цветы на окне и навести относительный порядок на книжном стеллаже и полке с газетами, прежде чем, наконец, раздался звонок. В дверь не только звонили, но и стучали – явно пришел кто-то нетерпеливый.

Открыв, Блумквист по-настоящему растрогался. Перед ним стояла совершенно оочечневшая Эрика. Она дрожала, как осиновый лист, причем не только из-за погоды. Ее одежда тоже внесла в общий вид свою лепту. У нее даже шапки на голове не было. От утренней идеальной прически не осталось и следа, а на правой щеке появилось нечто новое, похожее на царапину.

– Рикки, что с тобой? – спросил он.

– Отморозила свою красивую попку. Не удалось поймать такси.

– А что у тебя на щеке?

– Поскользнулась. Думаю, раза три.

Блумквист посмотрел на ее бордовые итальянские сапоги на высоких каблуках.

– Да у тебя же идеальные башмаки для глубокого снега!

– Совершенно идеальные. Не говоря уже о том, что я утром решила не надевать кальсоны... Гениально!

– Заходи, я тебя согрею.

Эрика упала к нему в объятия, задрожав еще сильнее, и он крепко прижал ее к себе.

– Прости, – снова сказала она.

– За что?

– За все. За «Сернер». Я была идиоткой.

– Не преувеличивай, Рикки.

Он смахнул снежинки с ее волос и лба и осторожно рассмотрел рану на щеке.

– Нет, нет, я должна рассказать, – проговорила Эрика.

– Только сперва я сниму с тебя одежду и усажу тебя в горячую ванну. Хочешь, еще дам бокал красного?

Она захотела – и потом долго сидела в ванне с бокалом, в который Микаэль дважды или трижды доливал. Блумквист сидел рядом с нею на унитазах, слушая ее рассказ, и, невзирая на отнюдь не добрые новости, их разговор носил примирительный характер, словно они прорвались сквозь стену, которую в последнее время между собой воздвигли.

– Я знаю, ты с самого начала считал, что я поступаю как идиотка, – говорила Эрика. – Нет, не протестуй, я тебя слишком хорошо знаю. Но ты должен понять, что мы с Кристером и Малин не видели другого выхода. Мы взяли к себе Эмиля и Софи, чуть ли не самых популярных репортеров, и так этим гордились... Для нас это было невероятно престижно. Это показывало, что мы набираем силу. И о нас действительно снова пошла хорошая молва, появились положительные статьи в «Резюме» и «Дагенс медиа»^[32]. Прямо как в старые времена. Честно говоря, лично для меня большое значение имело то, что я пообещала и Софи, и Эмилю, что в нашем журнале они смогут чувствовать себя уверенно. Сказала, что у нас стабильное финансовое положение. У нас за спиной Харриет Вангер. У нас будут деньги на глубокие, потрясающие репортажи. Да, как ты понимаешь, я сама в это действительно верила. А потом...

– А потом небо слегка рухнуло.

– Именно, и дело ведь было не только в газетно-журнальном кризисе и крахе рекламного рынка. Еще целый клубок противоречий в Вангер-концерне. Не знаю, до конца ли ты понимал, какая каша там заварилась. Временами я рассматриваю это почти как государственный переворот. Все старые темные силы семьи – и мужчины, и женщины, ты ведь их знаешь, как никто, – все старые расисты и ретрограды объединились и вонзили Харриет в спину нож. Мне никогда не забыть ее звонок. Я раздавлена, сказала она. Уничтожена. Прежде всего, их, конечно, разозлили ее попытки обновить и модернизировать концерн, ну и, естественно, ее решение избрать в правление Давида Гольдмана, сына раввина Виктора Гольдмана. Мы тоже сыграли свою роль, как ты знаешь, – Андрей как раз написал статью о стокгольмских нищих, которая казалась нам его лучшей работой и повсюду цитировалась, даже за границей. Но люди из концерна...

– Сочли ее левацкой ерундой.

– Хуже того, Микаэль, – пропагандированием «ленивых мерзавцев, которые не в силах даже взяться за работу».

– Неужели они так сказали?

– Что-то в этом роде. Но, думаю, на самом деле статья никакого значения не имела. Она просто стала для них предлогом еще больше подорвать позиции Харриет в концерне. Им хотелось отказаться от всех изначальных идей Хенрика и Харриет.

– Идиоты.

– Господи, конечно, но нам от этого было не легче. Я помню те дни. Казалось, будто почва уходила у меня из-под ног, и, разумеется, я знаю, знаю, что мне следовало больше привлекать тебя. Но я полагала, что мы все выиграем от того, что ты сможешь концентрироваться на своих материалах.

– А я ничего путного не поставлял...

– Ты старался, Микаэль, действительно старался. Но я это говорю к тому, что Уве Левин позвонил именно тогда, когда казалось, что все пропало.

– Вероятно, ему кто-то нашептал про случившееся.

– Наверняка. И тебе, вероятно, не надо говорить, что поначалу я была настроена скептически. «Сернер» казался мне бульварной ерундой. Но Уве продолжал уговаривать, пустив в ход все свое красноречие, и пригласил меня к себе, в большой новый дом в Каннах...

– Что?

– Да, прости, об этом я тебе тоже не рассказывала. Думаю, мне было стыдно. Но я все равно собиралась на кинофестиваль, чтобы написать о той иранке, кинорежиссере. Ну, знаешь, о той, что преследовали за документальный фильм о девятнадцатилетней Саре, которую забросали камнями, и мне подумалось, что ничего страшного, если «Сернер» поможет нам с оплатой дороги. Как бы то ни было, мы с Уве проговорили целую ночь, и у меня по-прежнему сохранялось довольно скептическое отношение. Он так нелепо хвастался, пускал в ход разные коммерческие уловки... Но под конец я все-таки стала к нему прислушиваться, и знаешь, почему?

– Он оказался потрясающим в постели?

– Ха, нет; из-за его отношения к тебе.

– Ему хотелось переспать со мной?

– Он тобой безмерно восхищается.

– Ерунда.

– Нет, Микаэль, тут ты ошибаешься. Он любит власть, деньги и свой дом в Каннах. Но еще больше его гложет то, что его не считают таким же крутым, как тебя. Если говорить об авторитете, Микаэль, то Уве беден, а ты безумно богат. В глубине души он хочет быть таким, как ты, я это сразу почувствовала, и мне следовало бы сообразить, что подобная зависть может быть и опасна. Ведь ты же понимаешь, что в основе кампании против тебя лежало именно это. Твоя бескомпромиссность заставляет людей чувствовать себя жалкими. Ты просто фактом своего существования напоминаешь им о том, насколько они продажны, и чем больше тебя прославляют, тем более ничтожными предстают они сами. А в таких обстоятельствах есть только один способ защиты: окунуть тебя в грязь. Если ты упадешь, они почувствуют себя чуть лучше. Наговоры придают им немножко достоинства – по крайней мере, они себе это внушают.

– Спасибо, Эрика, но мне действительно плевать на травлю.

– Да, я знаю... во всяком случае, надеюсь, что так оно и есть. Но я поняла, что Уве действительно хочет присоединиться, почувствовать себя одним из нас. Ему хотелось приобрести немного нашего реноме, и мне подумалось, что это может послужить хорошим стимулом. Если он мечтает быть таким же крутым, как ты, превращение «Миллениума» в обычное коммерческое издание «Сернер» стало бы для него крушением надежд. Если он прославится как парень, уничтоживший один из самых овеянных мифами журналов Швеции, то сможет навсегда распрощаться с остатками своего авторитета. Поэтому я поверила ему, когда он сказал, что и он сам, и холдинг нуждаются в престижном журнале, в алиби, если угодно, и что он будет лишь помогать нам заниматься той журналистикой, в которую мы верим. Ему, правда, хотелось принимать участие в журнале, но я восприняла это просто как проявление тщеславия. Подумала, он хочет слегка повыпендриваться, иметь возможность говорить своим дружкам-яппи, что является у нас пиарщиком или кем-то в этом роде... Я

даже не представляла, что он осмелится покуситься на душу журнала.

– Тем не менее сейчас он осмелился.

– К сожалению, да.

– А как же твоя прекрасная психологическая теория?

– Я недооценила власть оппортунизма. Как ты заметил, до начала кампании против тебя

Уве и «Сернер» вели себя образцово, но потом...

– Он этим воспользовался.

– Нет-нет, этим воспользовался кто-то другой. Кто-то, кто хотел ему навредить. Я только задним числом осознала, что Уве нелегко далось согласие остальных на покупку наших акций. Как ты понимаешь, не все в «Сернер» страдают комплексом журналистской неполноценности. Большинство из них являются просто обычными бизнесменами и презирают всякие разговоры об ответственности за что-то важное и тому подобное. Их раздражал «фальшивый идеализм» Уве, как они выразились, и в кампании против тебя они усмотрели шанс прищемить ему хвост.

– Ну надо же...

– Если бы ты только знал. Поначалу все выглядело вполне удобоваримо. От нас потребовали лишь немного подстроиться к рыночной ситуации, и, как ты знаешь, многое из этого мне понравилось. Ведь я тоже много думала над тем, как привлечь молодого читателя. Мне казалось, что в этом вопросе мы с Уве хорошо друг друга понимаем, и поэтому я не слишком волновалась по поводу его сегодняшней презентации.

– Да, я заметил.

– Но тогда переполох еще не начался.

– О каком переполохе мы говорим?

– О том, который разразился, когда ты саботировал выступление Уве.

– Эрика, я ничего не саботировал. Я просто ушел.

Эрика, лежа в ванне, отпила глоток вина и с некоторой грустью улыбнулась.

– Когда до тебя наконец дойдет, что ты являешься Микаэлем Блумквистом? – спросила она.

– Я думал, что уже потихоньку начинает доходить.

– Не похоже, иначе ты бы понимал, что когда Микаэль Блумквист уходит посреди доклада о перспективах его собственного журнала, получается громкий скандал, хочет он того или нет.

– Тогда прошу прощения за саботаж.

– Нет-нет, я тебя не осуждаю... больше не осуждаю. Как ты мог заметить, теперь прощения прошу я. Это я поставила нас в такое положение. Наверняка все равно получилось бы черт знает что, независимо от того, ушел бы ты или нет. Они только ждали повода, чтобы на нас наброситься.

– Что же случилось?

– После твоего исчезновения мы все утратили энтузиазм, и Уве, получив еще один удар по чувству собственного достоинства, решил плюнуть на презентацию. Сказал, что не видит в ней смысла. Затем он отправился звонить в головной офис, чтобы обо всем рассказать, и меня не удивило бы, если он основательно сгустил краски. Та зависть, на которую я возлагала надежды, вероятно, превратилась в нечто по-настоящему мелочное и злобное. Примерно через час он вернулся и сообщил, что холдинг готов основательно вложиться в «Миллениум» и использовать все свои каналы для продвижения журнала на рынке.

– И, очевидно, оказалось, что это плохо.

– Да, и я знала это еще до того, как он произнес первое слово. Поняла по выражению его лица. Оно словно излучало смесь страха и триумфа, и поначалу Уве никак не мог подобрать нужные слова. Он нес в основном какую-то чепуху – сказал, что холдинг хочет иметь большее влияние на нашу деятельность, омолодить содержание и привлечь больше знаменитостей. Но потом...

Эрика закрыла глаза, провела рукой по мокрым волосам и допила остатки вина.

– Да, Эрика?

– Сказал, что они хотят удалить тебя из редакции.

– Что?

– Естественно, ни он, ни холдинг не могли себе позволить высказать это прямо, и тем более получить заголовки типа «“Сернер” изгоняет Блумквиста», поэтому Уве сформулировал это очень красиво, заявив, что хочет предоставить тебе бóльшую свободу и возможность сконцентрироваться на том, в чем ты наиболее силен: на написании статей. Он предложил стратегическое местонахождение в Лондоне и щедрый договор внештатного корреспондента.

– В Лондоне?

– Он сказал, что Швеция слишком мала для парня твоего калибра, но ты же понимаешь, в чем тут дело.

– Они думают, что не смогут провести свои преобразования, если я останусь в редакции?

– Примерно так. Вместе с тем, думаю, никого из них не удивило, когда мы с Кристером и Малин сказали однозначное: «Нет, даже не подлежит обсуждению», не говоря уже о реакции Андрея.

– Что же он сделал?

– Я почти стесняюсь рассказывать. Андрей встал и заявил, что ничего более позорного в жизни не слышал. Сказал, что ты принадлежишь к лучшему, что есть в нашей стране, что ты – гордость демократии и журналистики и что холдингу «Сернер» следует накрыться с головой и стыдиться. А еще назвал тебя великим человеком.

– Он явно переусердствовал.

– Но он хороший мальчик.

– Это точно. А что же сделали люди из «Сернер»?

– Уве, конечно, был к этому готов. Вы, разумеется, можете выкупить у нас наши акции, сказал он. Дело только в том...

– Что цена возросла, – дополнил Микаэль.

– Именно. По его словам, согласно любой форме фундаментального анализа, доля «Сернер» должна, по крайней мере, удвоиться с момента вхождения холдинга в журнал, учитывая добавочную стоимость и репутацию, которые они нам создали.

– Репутацию?! Они, что, с ума сошли?

– Абсолютно, но они хваткие и хотят загнать нас в угол. Меня интересует, не хотят ли они убить двух зайцев: сорвать куш и, добив нас финансово, отделаться от конкурента.

– Что же нам, черт возьми, делать?

– То, что мы умеем лучше всего, Микаэль: бороться. Я возьму из своих денег, мы выкупим их долю и будем биться за то, чтобы делать лучший журнал Северной Европы.

– Конечно, круто, Эрика, а дальше? Мы попадем в жуткое финансовое положение, с

которым даже ты ничего не сможешь поделаться.

– Знаю, но у нас получится. Нам уже доводилось выбираться из трудных ситуаций. Мы с тобою можем на какое-то время снизить себе зарплаты до нуля. Мы ведь обойдемся?

– Всему приходит конец, Эрика.

– Не говори так! Никогда!

– Даже если это правда?

– Особенно в этом случае.

– О'кей.

– Нет ли у тебя в работе какого-нибудь материала? – продолжила Бергер. – Любого, такого, чем бы мы смогли дать по голове медийной Швеции?

Микаэль закрыл лицо руками и почему-то подумал о Пернилле, дочке, сказавшей, что она, в отличие от него, собирается писать «по-настоящему», хотя что она считала не «настоящим» в его текстах, осталось непонятным.

– Пожалуй, нет, – произнес он.

Эрика ударила рукой по воде так, что забрызгала ему носки.

– Черт, что-нибудь у тебя должно быть! Ведь никто в этой стране не получает столько наводок, сколько ты!

– Большинство из них – просто ерунда, – сказал Блумквист. – Впрочем, возможно... я только что проверял одну штуку...

Эрика села в ванне.

– Что именно?

– Нет, ничего, – поправился он. – Просто размечтался.

– В создавшейся ситуации нам надо мечтать.

– Да, но это ничто – просто масса тумана, и все недоказуемо.

– И все же какая-то доля уверенности у тебя есть?

– Возможно, но она связана с одной мелочью, не имеющей отношения к самой истории.

– С какой же?

– Кое-кто из моих бывших соратников тоже присматривался к этому материалу.

– Соратница с большой буквы?

– Она.

– Разве это все-таки не звучит многообещающе? – произнесла Эрика, вылезая из ванны, голая и красивая.

Вечер 20 ноября

Август, сидя на шахматном полу спальни, рассматривал составленный для него отцом натюрморт: свеча на синем блюде, два зеленых яблока и апельсин. Но ничего не происходило. Мальчик лишь устремил пустой взгляд на непогоду за окном, и Франс задумался, не глупость ли это – давать ему сюжет?

Стоило сыну просто покоситься на что-то, как оно явно намертво запечатлевалось в его мыслях; тогда зачем же отцу выбирать за него, что ему следует рисовать? У Августа в голове, вероятно, есть тысяча собственных образов, и, возможно, блюдо с несколькими фруктами кажется ему совершенно неподходящим и нелепым. Может, его интересуют совсем другие вещи... Франс снова спросил себя: «Не хотел ли мальчик своим светофором сказать нечто конкретное?» Рисунок представлял собой отнюдь не милое маленькое наблюдение. Красный свет, напротив, светился подобно вытаращенному злему глазу, и, возможно – откуда Франсу было знать? – Август чувствовал угрозу со стороны того мужчины на переходе...

Бальдер посмотрел на сына, в сто одиннадцатый раз за день. Ну разве не позор? Раньше он воспринимал мальчика только как странного и непостижимого. Теперь же он опять задался мыслью: а может, они с сыном на самом деле довольно похожи? Во времена Франса врачи не слишком заботились о диагнозах. От людей более легко отмахивались, называя их странными, с отклонениями. Сам он определенно был необычным – слишком серьезным, с неподвижной мимикой, и на школьном дворе его не считали особенно приятным. С другой стороны, компания других детей его тоже не привлекала – он сбегал к своим цифрам и уравнениям и не произносил понапрасну лишних слов.

Его, пожалуй, едва ли признали бы аутистом – таким, как Августа. Но сегодня на него наверняка навесили бы ярлык больного синдромом Аспергера, и хорошо бы это было или плохо, не так уж важно. Главное, что они с Ханной полагали, что раннее диагностирование у Августа им поможет. Тем не менее почти ничего не произошло, и только теперь, когда сыну уже исполнилось восемь лет, Франс впервые осознал, что тот обладает особым талантом, связанным с ощущением трехмерности пространства и математикой. Почему же Ханна и Лассе ничего такого не заподозрили?

Лассе, конечно, засранец, но бывшая в основе своей человек хороший и восприимчивый. Франсу никогда не забыть их первой встречи. Она произошла на вечере Королевской академии инженерных наук в Ратуше. Он тогда получил какую-то премию, совершенно его не волновавшую, и весь ужин нудил, мечтая поскорее попасть домой к своему компьютеру. Но вдруг к нему подошла смутно знакомая красивая женщина – Франс обладал крайне ограниченными познаниями в области знаменитостей – и заговорила с ним. В глубине души Бальдер по-прежнему считал себя фанатом-компьютерщиком, на которого одноклассницы смотрели с презрением.

Он не мог понять, что в нем нашла такая женщина, как Ханна, в то время находившаяся – как он вскоре узнал – на вершине своей карьеры. Но она соблазнила его – и в ту ночь занималась с ним любовью так, как ни одна женщина до нее. Далее последовало, вероятно, самое счастливое время в жизни Франса, и тем не менее... бинарные коды взяли верх над любовью.

Он погубил их брак работой, и все покатило под гору. Его место занял Лассе Вестман, Ханна поникла, и Август, вероятно, тоже, и Франсу следовало бы прийти от этого в ярость. Но он знал, что всему виной сам. Откупился, получив свободу, и наплевал на сына – и, возможно, на суде, рассматривавшем дело об опеке, правильно сказали, что он предпочел собственному ребенку мечту об искусственной жизни. Каким же кретином он был!

Бальдер достал ноутбук и принялся искать в «Гугле» более подробную информацию об одаренности савантов. Он уже заказал ряд книг, в частности, важнейшую публикацию по данной теме – книгу профессора Даролда Трефферта «Острова гениальности». Собрался по привычке изучить все, что доступно. Ни один проклятый психолог или педагог не сможет лучше его разобраться в том, что сейчас требуется Августу, и давать ему советы – он будет знать намного больше любого из них.

Продолжив поиски, Франс на этот раз заинтересовался рассказом о девочке-аутистке Надии. Ее судьба описывалась в книге Лорны Селфе «Надия. Необыкновенные способности к рисованию у ребенка-аутиста» и у Оливера Сакса в книге «Человек, который принял жену за шляпу», и Бальдер принялся с восхищением читать. Надия, в точности как Август, казалась при рождении совершенно здоровой, но потом родители стали постепенно понимать, что что-то не так.

Девочка никак не начинала говорить. Не смотрела людям в глаза. Не любила телесного контакта и не реагировала на улыбки и предложения матери. В основном вела себя тихо и необщительно и навязчиво разрезала бумагу на невероятно узкие полоски. В шесть лет она по-прежнему еще не произносила ни слова.

Тем не менее Надия рисовала, как Леонардо да Винчи. Уже в три года она без всякого предупреждения стала рисовать лошадей и, в отличие от других детей, начинала не с формы, не с целого, а с какой-нибудь маленькой детали – с копыта, сапога всадника или с хвоста – и, самое удивительное из всего, рисовала она быстро. С невероятной скоростью соединяла части – одну отсюда, другую оттуда – в идеальное целое, в галопирующую или идущую шагом лошадь. По собственным попыткам в подростковые годы Франс знал, что нет ничего сложнее, чем нарисовать животное в движении. Как ни старайся, получается неестественно и скованно. Чтобы добиться легкости в изображении прыжка, требуется мастер.

Надия была мастером уже в три года. Лошади получались у нее, как идеальные фотографии, сделанные легкой рукой, что явно не являлось следствием долгой тренировки. Ее виртуозность, прорвавшаяся словно сквозь лопнувшую плотину, восхищала современников. Как ей удается? Как она может всего несколькими быстрыми движениями руки перескакивать через столетия в развитии истории искусства? Австралийские исследователи Аллан Снайдер и Джон Митчелл, изучив ее рисунки, в 1999 году предложили теорию – постепенно получившую всеобщее признание, – согласно которой, мы все обладаем врожденной способностью к такого рода виртуозности, но у большинства из нас она заблокирована.

Если мы видим футбольный мяч или что угодно другое, то не сразу понимаем, что перед нами трехмерный объект. Напротив, мозг молниеносно выхватывает ряд деталей, падающие тени и разницу в глубине и нюансах и, исходя из них, делает выводы о форме. Мы этого не осознаем. Однако нам требуется некий анализ для понимания такой простой вещи, что перед нами мяч, а не круг.

Мозг сам создает окончательную форму, после чего мы уже не видим всех деталей, которые уловили поначалу. Лес, так сказать, заслоняет нам деревья. Но Митчелл и Снайдер

додумались до того, что если бы нам удалось вызвать из мозга первоначальный образ, мы рассматривали бы мир совершенно по-новому и, возможно, смогли бы легче его воссоздавать, в точности как это делала Надия, – без малейшего напряжения.

Иными словами, идея заключалась в том, что девочка эта как раз имела доступ к исходному образу, к изначальному материалу мозга. Она видела множество деталей и теней до того, как те подвергались обработке, и поэтому, в частности, всегда начинала с отдельных частей – с копыта или морды, – а не с целого, поскольку целое, в нашем понимании, еще не было создано. Хоть Франс Бальдер и видел в этой теории кое-какие проблемы или, по крайней мере, задался, как всегда, рядом критических вопросов, сама мысль ему понравилась.

В своей научной работе он во многих отношениях всегда искал именно такой исходный способ рассмотрения – подход, не принимавший вещи, как данные, а ведущий дальше лежащего на поверхности, к мелким деталям. Тема все больше захватывала Франса, и он читал с нарастающим восхищением, пока не содрогнулся. Он даже громко выругался – и с некоторой тревогой посмотрел на сына. Впрочем, вздрогнуть Франса заставило не что-либо из этих научных открытий, а описания первого года Надии в школе.

Ее поместили в класс для детей-аутистов, где обучение в основном заключалось в попытках заставить ее начать говорить, и девочка делала успехи. Слова появлялись одно за другим. Но цена оказалась высокой. В результате того, что она заговорила, исчезла ее гениальность в работе с мелкими, и, по словам писательницы Лорны Селфе, один язык, вероятно, заменился другим. Из гениального художника Надия превратилась в обычную девочку-аутиста с сильным отставанием в развитии. Конечно, она немного говорила, но полностью утратила то, что изумляло мир. Стоило ли это того? Ради возможности выговаривать несколько слов?

«Нет!» – хотелось выкрикнуть Франсу – вероятно, еще и потому, что он сам всегда был готов заплатить любую цену, чтобы только стать гением в своей области. Лучше быть человеком, не способным поддержать ни единого разумного диалога во время беседы за ужином, чем посредственностью. Что угодно, только не заурядность! Такой ориентир он ставил себе всю жизнь, но тем не менее... Бальдер был не настолько глуп, чтобы не понимать: его собственные элитарные принципы необязательно являлись здесь хорошим руководством к действию. Может, несколько потрясающих рисунков – ничто по сравнению с возможностью самому попросить стакан молока или перекинуться несколькими словами с приятелем или отцом, откуда ему знать?

И все же он отказывался стоять перед таким выбором. Ему была невыносима мысль, что придется исключить самое потрясающее из того, что произошло в жизни Августа. Нет, нет... подобный вопрос не имеет права на существование. Нельзя требовать от родителя, чтобы тот выбирал между гением и не гением. Ведь никому не дано заранее знать, что будет лучше для ребенка.

Чем дальше Франс думал об этом, тем более нелепым оно ему представлялось, и его осенило, что он в это не верит – или, скорее, не *хочет* верить. Ведь Надия – просто прецедент, а прецедент не является научным обоснованием.

Бальдер чувствовал, что необходимо узнать больше, и поэтому продолжил поиски в Интернете. Тут у него зазвонил телефон. В последние часы звонки раздавались неоднократно. Звонили с какого-то неопределяющегося номера, и еще досаждал Линус – его бывший ассистент, которого Франс переносил все хуже и которому, пожалуй, даже не

доверял, а уж говорить с ним точно не имел сейчас никакого желания. Ему хотелось только одного: дальше изучать судьбу Надии.

Однако он ответил – возможно, просто от нервозности. В телефоне оказалась Габриэлла Гране, очаровательный аналитик из СЭПО, и Франс, невзирая ни на что, даже улыбнулся. Если больше всего ему хотелось быть с Фарах Шариф, то Габриэлла занимала твердое второе место. У нее были сверкающие красивые глаза, и она быстро соображала. А он питал слабость к женщинам, схватывающим все на лету.

– Габриэлла, – сказал Бальдер. – Я бы с огромным удовольствием поговорил с вами, но у меня нет времени. Я занят важным делом.

– Для этого время у вас точно есть, – с необычной строгостью ответила она. – Вы находитесь в опасности.

– Ерунда, Габриэлла! Я вам уже говорил. Они, возможно, попытаются затаскать меня по судам и обобрать до нитки. И на этом всё.

– Франс, я боюсь, что у нас появились новые сведения, причем из самого верного источника... Похоже, угроза действительно существует.

– Что вы имеете в виду? – не слишком вникая, спросил Бальдер.

Зажав телефон между плечом и ухом, он продолжал поиски информации об утраченном таланте Надии.

– Мне, правда, трудно оценить эти сведения, но они меня беспокоят, Франс. Думаю, их стоит принять всерьез.

– Тогда я тоже приму. Обещаю проявлять дополнительную осторожность. Я, как обычно, не буду выходить из дома. Но сейчас я немного занят, как уже говорил, и, кроме того, я уверен, что вы ошибаетесь. В «Солифоне»...

– Конечно, я могу ошибаться, – перебила она. – Такое вполне возможно. А если я права... подумайте, если существует минимальный риск того, что я права?

– Разумеется, но...

– Никаких «но», Франс, вообще никаких «но». Лучше послушайте меня. Я полагаю, что ваш анализ верен. Никто в «Солифоне» не хочет причинить вам чисто физического вреда. Это все-таки цивилизованная компания. Но похоже, что кто-то из концерна имеет контакты с криминальной организацией, с крайне опасной группировкой с филиалами в России и Швеции, и опасность исходит именно оттуда.

Франс впервые оторвал взгляд от экрана компьютера. Он знал, что Зигмунд Экервальд из «Солифона» сотрудничает с криминальной группировкой. Ему даже удалось перехватить несколько кодовых слов о ее лидере, но он не мог представить, зачем группировке нападать на него – или все-таки мог?

– Криминальная организация? – пробормотал он.

– Именно, – продолжала Габриэлла. – Разве это не логично, в каком-то смысле? Вам, наверное, и самому приходили в голову подобные мысли? Раз люди начали воровать чужие идеи и зарабатывать на них деньги, значит, они уже перешли границу, и тогда все начинает катиться по наклонной.

– Думаю, я скорее говорил, что им хватит кучки адвокатов. С кучкой ловких юристов можно спокойно воровать что угодно. Адвокаты являются киллерами нашего времени.

– О'кей, возможно. Но, послушайте, я пока не получила постановления о личной охране. Поэтому я хочу поместить вас в потайное место. Я собираюсь забрать вас прямо сейчас.

– Что?

– Думаю, мы должны действовать без промедления.

– Ни за что, – сказал Бальдер. – Я и...

Он засомневался.

– У вас в доме есть кто-то еще? – спросила она.

– Нет-нет, но в данный момент я никуда не могу ехать.

– Вы не слышите, что я говорю?

– Очень хорошо слышу. Но при всем уважении мне кажется, что вы в основном высказываете предположения.

– Предположения являются неотъемлемой частью угрозы как таковой, Франс. Но мне звонил... ну, вообще-то, мне не следует этого говорить... агент из АНБ, занимающийся этой организацией.

– АНБ, – усмехнулся Франс.

– Я знаю, что вы скептически настроены по отношению к ним.

– Скептически – это еще мягко сказано.

– Ладно, ладно. Но в этот раз они на вашей стороне – во всяком случае, агент, который мне звонил. Она хороший человек. В результате прослушки ей удалось перехватить нечто, весьма напоминающее план убийства.

– Моего?

– Многие указывает на это.

– *Напоминает, многое указывает...* это звучит очень неопределенно.

Прямо перед ним Август потянулся за фломастерами, и Франсу каким-то образом удалось полностью сконцентрироваться на нем.

– Я остаюсь, – продолжил он.

– Вы шутите?

– Нет-нет. Я с удовольствием перееду, если к вам поступит больше сведений, но не сейчас. Кроме того, фирма «Милтон секьюрити» установила прекрасную охранную систему. У меня повсюду камеры и сенсоры.

– Вы это серьезно?

– Да, и вам известно, что я чертовски упрям.

– У вас есть оружие?

– Что на вас нашло, Габриэлла? Я – и оружие! Самое опасное, что у меня имеется, это, пожалуй, новая сырорезка.

– Послушайте-ка... – задумчиво произнесла она.

– Да?

– Я организую за вами наблюдение, хотите вы того или нет. Беспокоиться по этому поводу не стоит. Думаю, вы даже ничего не заметите. Но раз уж вы так чертовски упрямы, я дам вам другой совет.

– Какой же?

– Go public^[33], это может оказаться своего рода страховкой жизни. Расскажите СМИ, что вам известно; тогда, при удачном раскладе, вас станет бессмысленно убирать с пути.

– Я подумаю.

Франс услышал по голосу, что Габриэлле внезапно что-то отвлекло.

– Да? – произнес он.

– Подождите минутку, – ответила она. – Мне звонят по другому телефону. Я должна...

Она исчезла, а Франса, которому, естественно, следовало бы подумать о другом, терзала

в этот момент лишь одна мысль: «Утратит ли Август способность рисовать, если я научу его разговаривать?»

– Вы слушаете? – вскоре уточнила Габриэлла.

– Разумеется.

– Я, к сожалению, вынуждена закончить разговор. Но клянусь, что прослежу за тем, чтобы за вами в кратчайшие сроки организовали какое-нибудь наблюдение. Я вам позвоню. Берегите себя!

Положив трубку, Бальдер вздохнул. Вновь подумал о Ханне, Августе, об отражавшемся в платяном шкафу полу в шахматную клетку и о всякой всячине, не столь важной в данном контексте, и рассеянно пробормотал:

– Они за мной охотятся.

В глубине души Франс признавал, что ничего невероятного в этом нет, отнюдь, хотя все время отказывался верить в то, что дело может дойти до насилия. Но что ему, собственно, известно? Ничего. Кроме того, сейчас у него не было сил браться за это. Он продолжил поиски информации о судьбе Надии и о том, что она может означать для его сына, хотя на самом деле это было безумием. Франс притворялся, будто ничего не случилось. Невзирая на угрозу, он просто ползал по Сети и вскоре наткнулся на профессора неврологии, ведущего специалиста по синдрому саванта, по имени Чарльз Эдельман, и вместо того, чтобы, как обычно, прочитать о нем побольше – Бальдер всегда предпочитал людям литературу, – позвонил на коммутатор Каролинского института^[34].

Потом он сообразил, что час уже довольно поздний. Эдельман едва ли еще на работе, а его личный номер держится в тайне. Но погодите-ка... Эдельман также заведует чем-то под названием «Эклиден» – учреждением для детей-аутистов с особыми талантами, – и Франс попробовал позвонить туда. После нескольких гудков ему ответила дама, представившаяся сестрой Линдрус.

– Извините, что беспокою в такой поздний час, – сказал Бальдер. – Я ищу профессора Эдельмана. Не задержался ли он случайно на работе?

– Да, он здесь. В такую непогоду никому домой не добраться. Как вас представить?

– Франс Бальдер, – ответил он и добавил в надежде, что это поможет: – Профессор Франс Бальдер.

– Подождите минутку, – попросила сестра Линдрус. – Я посмотрю, не занят ли он.

Франс устремил взгляд на Августа, который вновь взялся за фломастер и явно сомневался, что несколько разволновало Франса, словно это был недобрый знак.

– Криминальная группировка, – снова пробормотал он.

– Чарльз Эдельман слушает, – произнес голос в телефоне. – Я действительно говорю с профессором Бальдером?

– Именно с ним. У меня к вам маленький...

– Вы не представляете, какая это для меня честь, – продолжил Эдельман. – Я только что вернулся домой с конференции в Стэнфорде, и там мы как раз говорили о ваших исследованиях в области нейронных сетей, да... мы даже подняли вопрос о том, не можем ли мы, неврологи, через исследования искусственного интеллекта узнать кое-что о мозге окольным путем. Мы поинтересовались...

– Я очень польщен, – перебил его Франс. – Но дело в том, что у меня есть маленький вопрос.

– О, правда? Вам нужна какая-то помощь в ваших исследованиях?

– Нет-нет, но мой сын – аутист. Ему восемь лет, а он по-прежнему не говорит ни слова. Но на днях мы проходили мимо светофора на Хурнсгатан, и потом...

– Да?

– Он сел и нарисовал его с невероятной скоростью – и совершенно идеально. Просто поразительно!

– И теперь вы хотите, чтобы я приехал и посмотрел на его работу?

– Мне было бы очень приятно. Но я звоню не поэтому. Я волнуюсь. Я прочел, что рисунки, возможно, являются его языком общения с внешним миром и что если он научится говорить, то может утратить свой талант. Один способ выражать себя может замениться другим.

– Вы, конечно, прочли о Надии.

– Откуда вы знаете?

– О ней всегда говорят в таких случаях. Но успокойтесь... могу я называть вас Франсом?

– Разумеется.

– Отлично. Франс, я безумно рад, что вы позвонили, и могу сразу сказать, что вам не о чем волноваться, – напротив. Надия является лишь исключением, подтверждающим правило, только и всего. Все исследования показывают, что языковое развитие скорее углубляет талант саванта. Возьмите хотя бы Стивена Уилтшира – вы ведь наверняка о нем читали?

– Это тот, что нарисовал практически весь Лондон?

– Именно. Он развился во всех отношениях: и в творческом, и в интеллектуальном, и в языковом. Сегодня его считают большим художником. Так что чувствуйте себя спокойно, Франс. Случается, конечно, что дети утрачивают талант саванта, но это чаще всего связано с чем-то другим. Им надоедает, или с ними что-нибудь случается... Вы ведь читали, что Надия одновременно лишилась матери?

– Да.

– Возможно, это и явилось настоящей причиной. Ну, правда, наверняка ни я, ни кто-нибудь другой не знает. Но едва ли дело в том, что она научилась говорить. Других документально подтвержденных примеров аналогичного развития почти нет, и я говорю это не просто так – или потому, что как раз в этом заключается моя собственная научная гипотеза. Сегодня большинство ученых сходится на том, что саванты только выигрывают от развития своих интеллектуальных способностей во всех областях.

– Вы это серьезно?

– Абсолютно.

– Он еще хорошо разбирается в цифрах.

– Неужели? – удивился Чарльз Эдельман.

– Почему вы так говорите?

– Потому что у савантов художественная одаренность крайне редко сочетается с математическим талантом. Здесь речь идет о двух разных видах способностей, они вовсе не родственны и даже иногда, похоже, блокируют друг друга.

– Но это правда. В его рисунках присутствует некая геометрическая точность, как будто он сумел рассчитать пропорции.

– Крайне интересно... Когда я могу встретиться с ним?

– Даже не знаю... Я хочу, прежде всего, попросить совета.

– Тогда совет несомненен: вкладывайтесь в мальчика. Стимулируйте его. Пусть развивает свои таланты всеми способами.

– Я...

Франс почувствовал, что ему странным образом сдавило грудь и ему стало трудно произносить слова.

– Я хочу поблагодарить, – продолжил он. – Я вам действительно очень признателен. А теперь мне надо...

– Для меня такая честь говорить с вами, и я бы с удовольствием встретился с вашим сыном. Если позволите немного похвастаться, то я скажу, что разработал довольно сложный тест для савантов. Вместе мы смогли бы лучше узнать мальчика.

– Да, конечно, это было бы замечательно. Но сейчас мне надо... – пробормотал Франс, сам толком не зная, что хочет сказать. – До свидания и спасибо.

– Ну, что ж, разумеется. Надеюсь, вы скоро опять со мною свяжетесь.

Франс положил трубку и несколько секунд сидел неподвижно, скрестив руки на груди и глядя на Августа, который по-прежнему с сомнением держался за желтый фломастер и поглядывал на горящую свечу. Потом плечи Франса вздрогнули, и у него внезапно потекли слезы, а о профессоре Бальдере можно было сказать многое, но понапрасну он никогда не плакал.

Франс не мог вспомнить, когда такое случилось с ним в последний раз. Когда умерла мать, он не плакал, и точно не плакал, когда видел или читал что-нибудь захватывающее – сам он считал себя каменным истуканом. А сейчас, перед сыном и его рядами фломастеров и мелков профессор плакал, как дитя, и даже не пытался остановить слезы... Конечно, все дело в словах Чарльза Эдельмана.

Теперь Август сможет научиться говорить и продолжать рисовать – это потрясающе. Но плакал Франс, естественно, не только поэтому. Сюда примешивались еще драма в «Солифоне», угроза убийства, тяготившие его тайны и тоска по Ханне или Фарах, или по кому угодно, способному заполнить пустоту у него в груди.

– Мой малыш! – произнес Бальдер.

Он был настолько растроган и вне себя, что не заметил, как у него включился ноутбук и начал показывать изображения с одной из камер наружного наблюдения у него на участке.

По саду, невзирая на бушующий ураган, шел долговязый мужчина в утепленной кожаной куртке и серой бейсболке, надвинутой так, что она тщательно скрывала его лицо. Кто бы он ни был, но мужчина знал, что его снимают, и хотя он казался худощавым и немощным, что-то в его раскачивающейся, слегка театральной походке напоминало боксера-тяжеловеса, направляющегося на ринг.

Габриэлла Гране по-прежнему сидела у себя в кабинете, занимаясь поисками в Интернете и регистре СЭПО. Ясности не прибавлялось; это было, конечно, связано с тем, что она толком не знала, что ищет. Но что-то новое и тревожное ее мучило, что-то смутное, неотчетливое...

Их разговор с Бальдером прервали. Ей снова позвонила Хелена Крафт, руководитель СЭПО, причем по тому же поводу, что в прошлый раз. С нею хотела поговорить Алона Касалес из АНБ, и теперь Алона звучала гораздо спокойнее и даже пыталась слегка флиртовать.

– Вам удалось разобраться со своими компьютерами? – спросила Габриэлла.

– Ха... да, кое-какой цирк тут был, но, думаю, ничего страшного. Прошу прощения, что в прошлый раз немного темнила. Вероятно, мне и сейчас надо отчасти продолжать в том же

духе... Но я хочу сообщить тебе побольше – и снова подчеркнуть, что считаю угрозу профессору Бальдеру основательной и серьезной, хотя мы ничего не знаем наверняка. Вы успели взяться за это дело?

– Я с ним поговорила. Он отказывается покидать дом. Сказал, что чем-то очень занят. Я организую наблюдение.

– Отлично. Как ты, возможно, догадываешься, ты мне не просто приглянулась. Я под большим впечатлением, фрёкен Гране. Разве таким, как ты, не следует работать в «Голдман Сакс»^[35] и получать миллионы?

– Не в моем вкусе.

– И не в моем тоже. От денег я не отказалась бы, но это плохо оплачиваемое вынюхивание подходит мне больше... Итак, душенька, дело обстоит следующим образом. По нашей части ничего особенно важного тут нет, что я, кстати, считаю ошибочным выводом. Не только потому, будто уверена, что эта группировка представляет угрозу национальным экономическим интересам. Я думаю, здесь имеются еще политические привязки. Русский компьютерщик, о котором я упоминала, по имени Анатолий Хабаров, имеет отношение к печально известному члену русской Думы Ивану Грибанову, крупному акционеру «Газпрома».

– Понятно.

– Но это пока в основном отдельные ниточки, и я потратила много времени, пытаюсь раскрыть личность их лидера.

– Того, кого называют Танос?

– Или ту.

– Ту?

– Да, хотя я, вероятно, ошибаюсь. Криминальные группировки такого типа ведь обычно используют женщин, но не выдвигают на руководящие позиции, да и этот персонаж чаще всего упоминается как *он*.

– Что же тебя заставляет думать, что это все-таки может быть женщина?

– Можно сказать, какое-то почтение. Об этом человеке говорят так, как мужчины во все времена говорили о женщинах, которыми они восхищаются и которых желают.

– Значит, присутствует красота...

– Похоже на то. Но, возможно, я просто почуяла легкую гомосексуальную эротику, а уж кто бы порадовался больше меня, если бы русские гангстеры или вообще русские руководители уделяли этой дисциплине побольше внимания...

– Ха, точно!

– Но на самом деле я упоминаю об этом только для того, чтобы у тебя был шире обзор, если эта неразбериха попадет к тебе в руки. Понимаешь, там замешаны кое-какие адвокаты. Ведь они всегда присутствуют. С помощью хакеров можно воровать, а с помощью адвокатов – легализовать кражу... Как там сказал Бальдер?

– Мы равны перед законом, если одинаково расплачиваемся.

– Именно, сейчас тот, кто имеет средства на хорошую защиту, может присваивать все, что угодно. Тебе, конечно, известны юридические противники Бальдера, вашингтонское бюро «Дакстоун & Партнер».

– О, да.

– Тогда ты знаешь, что к ним обычно обращаются технологические фирмы, которые хотят засудить изобретателей и рационализаторов, надеющихся получить небольшое

вознаграждение за свои творения.

– Конечно, знаю – еще с тех пор, как мы разбирались с процессами изобретателя Хокана Ланса.

– Тоже жуткая история. Но самое интересное, что бюро «Дакстоун & Партнер» встречается в тех немногих переговорах этой криминальной группировки, которые нам удалось отследить и прочесть; правда, оно там именуется Д.П. или даже просто Д.

– Значит, «Солифон» и эти негодяи используют тех же юристов?

– Похоже, что да. Мало того, сейчас «Дакстоун & Партнер» открывают офис в Стокгольме, и знаешь, как мы об этом узнали?

– Нет, – ответила Габриэлла, чувствуя нарастающий стресс.

Ей хотелось поскорее закончить разговор и заняться организацией полицейской охраны для Бальдера.

– В результате наблюдения за группировкой, – продолжала Алона. – Об этом случайно обмолвился Хабаров, что указывает на их тесную связь с бюро. Группировка знала об открытии офиса еще до официальной информации.

– Неужели?

– Да, и в Стокгольме «Дакстоун & Партнер» объединятся со шведским адвокатом по имени Кенни Брудин, который раньше специализировался на уголовных делах и известен тем, что слишком сближался со своими клиентами.

– Помимо всего прочего, существует классическая фотография, просочившаяся в вечернюю прессу, где Кенни Брудин развлекается со своими бандитами и лапает какую-то девочку по вызову, – сказала Габриэлла.

– Я ее видела, и думаю, что если вам тоже захочется познакомиться с этой историей, то лучше всего начать с мистера Брудина. Как знать, может, он является связующим звеном между финансовыми магнатами и этой группировкой...

– Я погляжу, – ответила Габриэлла. – Но сейчас мне надо заняться кое-чем другим. Мы наверняка еще созвонимся.

Потом она позвонила дежурному Отдела личной охраны. В этот вечер им оказался не кто иной, как Стиг Иттергрэн, что не облегчало дело. Шестидесятилетний Иттергрэн был человеком корпулентным, в меру пьющим и больше всего любил играть в карты и раскладывать пасьянс в Интернете. Его иногда называли «Господин Ничего Невозможно», поэтому Габриэлла объяснила ситуацию максимально солидным голосом и потребовала, чтобы профессору Франсу Бальдеру из Сальтшёбадена как можно скорее предоставили телохранителей. Стиг Иттергрэн привычно ответил, что это будет очень трудно и, скорее всего, невозможно, а когда она парировала, сказав, что это приказ руководителя СЭПО, он пробормотал нечто вроде «злая сучка».

– Этого я не слышала, – сказала она. – Но смотрите, чтобы никаких задержек.

Без задержек, разумеется, не получилось, и в ожидании Габриэлла, нервно постукивая пальцами по столу, искала информацию о «Дакстоун & Партнер» и обо всем, что рассказала ей Алона. Тут-то у нее и возникло ощущение чего-то тревожно знакомого.

Но ничего толком не прояснялось, и прежде чем она успела до чего-нибудь додуматься, ей действительно перезвонил Стиг Иттергрэн, и, естественно, оказалось, что никто из Отдела личной охраны не доступен. Он сказал, что в этот вечер у них необычно много хлопот с королевской семьей – там какой-то цирк вместе с норвежским кронпринцем и его супругой, да еще председателю партии «Шведские демократы» запустили в волосы мягким

мороженым, а охранники не успели вмешаться, и поэтому пришлось усилить охрану на его следующем выступлении в Сёдертелье^[36].

Вместо своих сотрудников Иттергрэн откомандировал «двоих потрясающих парней из полиции», которых зовут Петер Блум и Дан Флинк, и Габриэлле пришлось удовольствоваться этим, хотя имена Блум и Флинк вызвали у нее ассоциацию с Клингом и Клангом из «Пеппи Длинныйчулок», и на мгновение ее охватили дурные предчувствия. Затем она разозлилась на себя. Как типично для ее снобистского воспитания судить людей по их именам! Ей скорее следовало бы больше волноваться, зови их Юллентофс или как-нибудь в этом роде. Тогда они наверняка оказались бы мягкотелыми выродками. «Все будет хорошо», – подумала Габриэлла, отбросив опасения.

Она продолжила работу. Ночь ей предстояла длинная.

Ночь на 21 ноября

Лисбет проснулась, лежа наискосок в большой двуспальной постели, и поняла, что ей сейчас снился отец. Ее, словно плащом, накрыло ощущение чего-то угрожающего. Но тут она вспомнила вечер накануне и сообразила, что с таким же успехом это может быть химическая реакция в организме. Чувствуя тяжелое похмелье, Саландер встала и на подкашивающихся ногах пошла в огромную ванную комнату, с джакузи, мрамором и прочим кретинским люксом, уверенная в том, что ее вырвет. Однако ничего такого не произошло, и она, тяжело дыша, опустилась на пол.

Через некоторое время Лисбет встала и посмотрела в зеркало – зрелище было не слишком вдохновляющим. Глаза налиты кровью. С другой стороны, шел только первый час ночи – значит, она проспала не более нескольких часов. Саландер достала из шкафчика в ванной стакан и наполнила его водой. Но в тот же миг на нее нахлынули воспоминания из сна, и она, стиснув стакан, раздавила его и поранила руку. Кровь закапала на пол, Лисбет выругалась и поняла, что едва ли сможет снова уснуть.

[Купить полную версию книги](#)

Сальтшёбаден – пригородный район Стокгольма с частными домами. (*Здесь и далее прим. пер.*)

Сёдер – один из центральных районов Стокгольма.

От Шлюза ходит электричка в Сальтшёбаден.

Гей Телиз (р. 1932) – американский писатель и журналист, известный своими репортажами в журнале «Эсквайр». Его репортаж «Фрэнк Синатра простудился» был признан лучшей публикацией журнала.

Норман Мейлер (1923–2007) – американский писатель, журналист, кинорежиссер; Трумен Капоте (1924–1984) – американский писатель; Том Вулф (р. 1931) – американский журналист и писатель, пионер направления «новая журналистика» в литературе.

Решают деньги, а не дешевая болтовня (слова известной песни, *англ.*).

Бископс Арнё – известная в Швеции народная школа со специализацией «писательское мастерство». Такие учебные заведения позволяют получить образование уровня гимназии или пройти какую-то специализацию.

Шведская сеть кофеен, работающая в странах Балтийского региона.

«Экот» – новостная редакция Шведского радио.

Ладно (*англ.*).

Густав Фрёдинг (1860–1911) – шведский поэт. Фраза из стихотворения «Скальд Веннербум» приведена в переводе В. Потаповой.

AI – сокращенное наименование искусственного интеллекта.

СЭПО – Служба государственной безопасности Швеции.

Коллективный разум (*англ.*).

Remote Administration Tool – средство удаленного администрирования, именуемое на сетевом жаргоне «крысой» (*англ.*).

Так по-шведски звучит имя героини книги А. Линдгрен «Пеппи Длинныйчулок».

Пеппи Длинныйчулок жила на вилле под названием Виллекулла.

«Шведские демократы» – правоконсервативная политическая партия, выступающая за ограничение иммиграции в Швецию неевропейского населения.

Экерё – остров, расположенный неподалеку от Стокгольма.

«Трахальщики» (*англ.*).

RSA – криптографический алгоритм с открытым ключом, основывающийся на вычислительной сложности задачи факторизации больших целых чисел.

Специальный аккаунт, владелец которого имеет право на проведение всех без исключения операций.

«Человек дождя» – знаменитый американский фильм, главный герой которого страдает аутизмом (савантизмом).

Юшхольм – район Стокгольма, где проживает состоятельная публика.

Процесс завершен! (*англ.*)

Zero day (*англ.*) – уязвимость нулевого дня (вредоносные программы, против которых еще не разработаны защитные механизмы).

Куотербек – ключевой игрок в составе нападающих команды по американскому футболу.

«Песочница» – в компьютерной безопасности специально выделенная среда для безопасного исполнения компьютерных программ.

Гордон Гекко – персонаж фильмов «Уолл-Стрит» и «Уолл-Стрит-2» в исполнении М. Дугласа.

Норвежская телекоммуникационная компания.

Совершенно секретно, не подлежит передаче иностранным союзникам (*англ.*).

«Резюме» – шведский журнал, посвященный медийным и маркетинговым коммуникациям; «Дагенс медиа» – шведская газета и интернет-сайт, посвященные рекламному бизнесу и СМИ.

Предайте огласке (*англ.*).

Шведский государственный медицинский университет, один из крупнейших в Европе, находится в пригороде Стокгольма.

«Голдман Сакс» (Goldman Sachs) – один из крупнейших в мире коммерческих банков.

Сёдертелье – пригород Стокгольма.